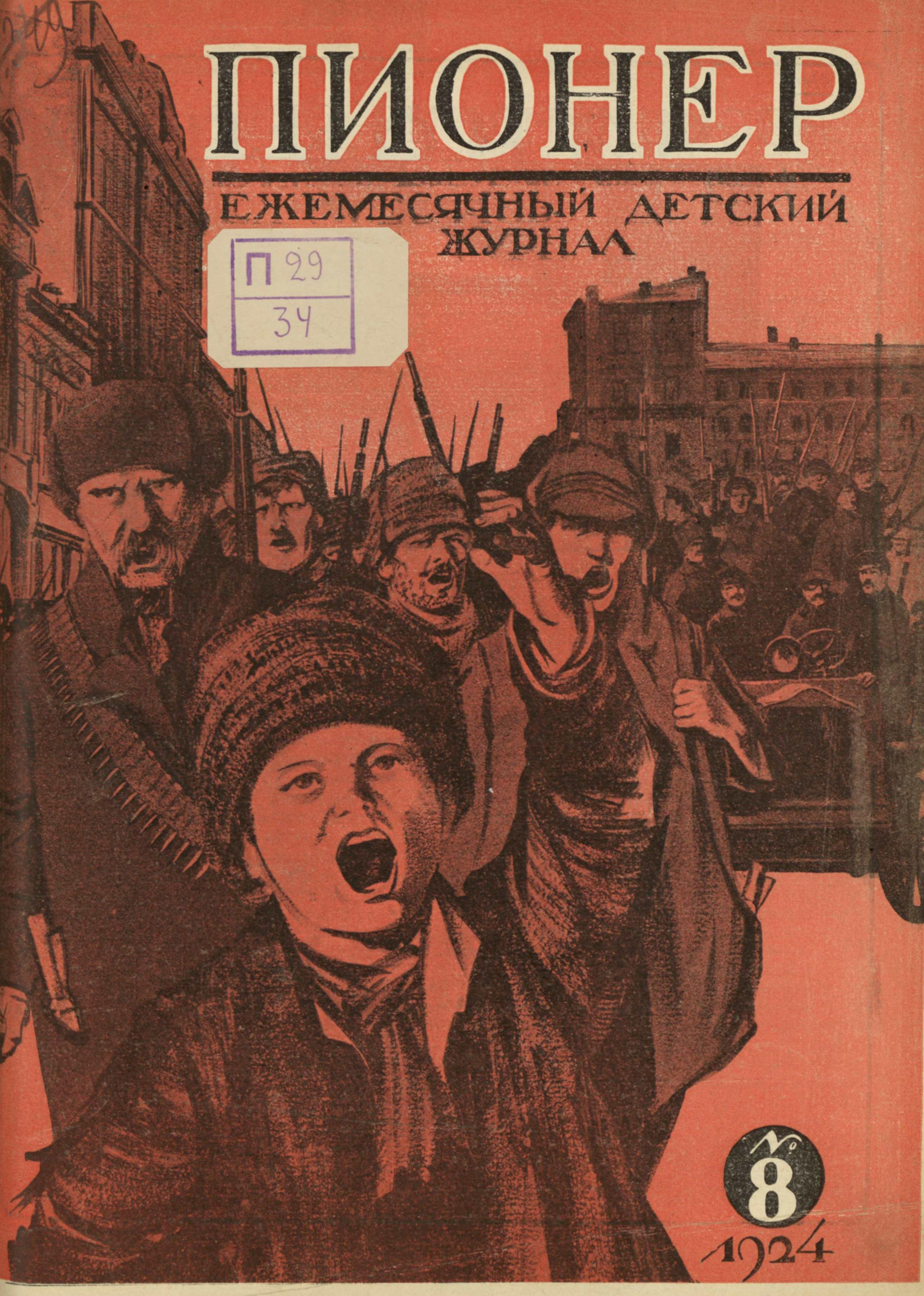
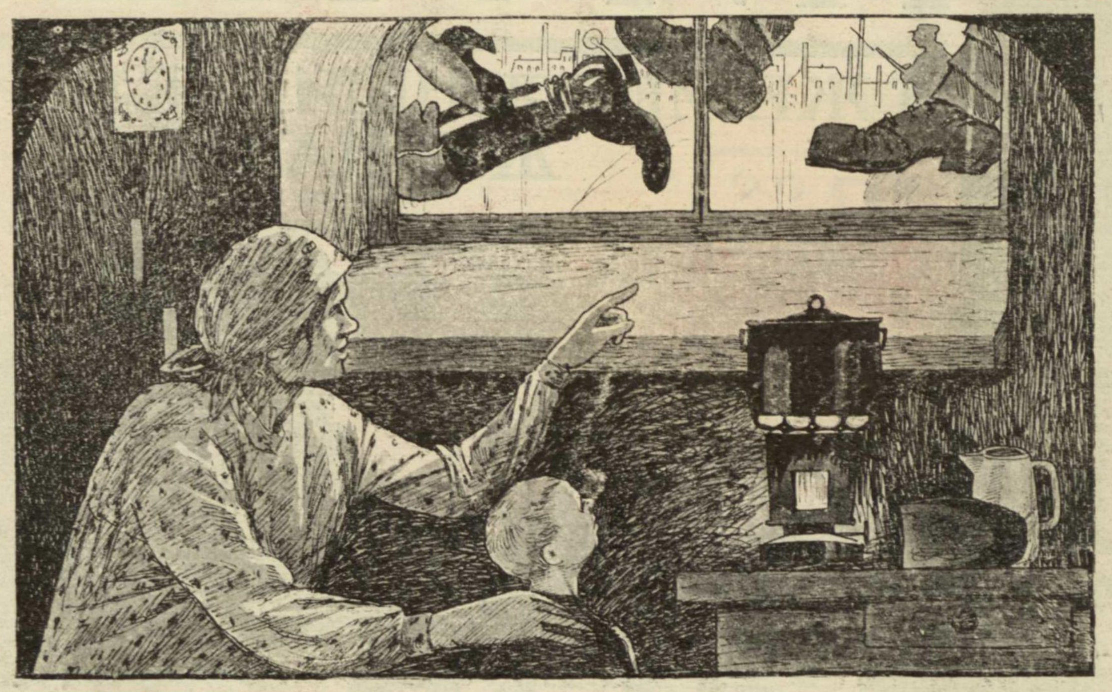

ПИОНЕР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 8
1924

Арго.

Рис. Елисеева.

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

1

Семь лет прошло, немалый срок, ребята,
Как мы старое забросили на слом.
Примерно, скажем, если взять тебя-то,
Так ты гулял в ту пору под столом.

Тогда коптела в комнате лампада,
И грамоты не знал мой старший брат,
И не было в помине Ленинграда,
А город звался просто „Петроград“

Отец тогда работал на заводе,
А мамка нам готовила обед,
А сам я был тогда... волченка вроде...
Всего мне было от роду семь лет.

2

Рассказывать, так времени не хватит,
Но было приблизительно вот так:
Чуть свет, меня уж не было в кровати,
Гляжу: отец отбросил свой верстак,

Винтовку взял, проверил все затворы,
И, торопясь, промолвил на ходу:
— Не провожай! — Зачем? Приду не скоро.
А может быть... и вовсе не приду...

Меня похлопал по плечу ладонью
И так сказал: „Прощай, брат, шпингалет!“
Признаюсь вам, я ничего не понял
Всего мне было от роду семь лет.

3

Тогда мы жили, помнится, в подвале,
У лавочника сняли уголок.
Каких мы только в окнах не видали
Щиблет, ботинок, туфель и сапог.

К полудню мать решила воздух спертый
Проветрить и сняла с окна засов...
Глядим: бегут ботинки и ботфорты
Спасаются от рваных башмаков.

И понял я, пришла ботфортам крышка,
Пришел каюк для лаковых щиблет...
Я был довольно сметливый мальчишка,
Хотя мне было от роду семь лет.

4

Лишь под вечер мы вышли к подворотне.
Издалека доносится пальба.
Прохожих нет. Зато моторов сотни
Так и летят, как в небе ястреба.

Из-за угла автомобиль несется
Сирена верещит, что только сил.
Вдруг мать кричит: „Гляди-тко—Ленин
с Троцким!—

Я посмотрел—машины след простыл.
Но все же я и бороды, и кепки,
И каждого запомнил силуэт,
Я был тогда на память очень крепкий,
Хотя мне было от роду семь лет.

5

Потом никто не вышел из подвала.
Ждали всю ночь, когда придет отец,
А утром он веселый и усталый
Пришел и говорит: „Теперь конец!.“

И рассказал, что было очень круто,
Но задали мы перцу юнкерам.
А я сидел и слушал так, как будто
Присутствовал при этом деле сам.

Затем пошло уже совсем другое,
Но этот день—такого больше нет...
Я молод был—теперь я старше вдвое,
А вот тогда мне было лишь семь лет.

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

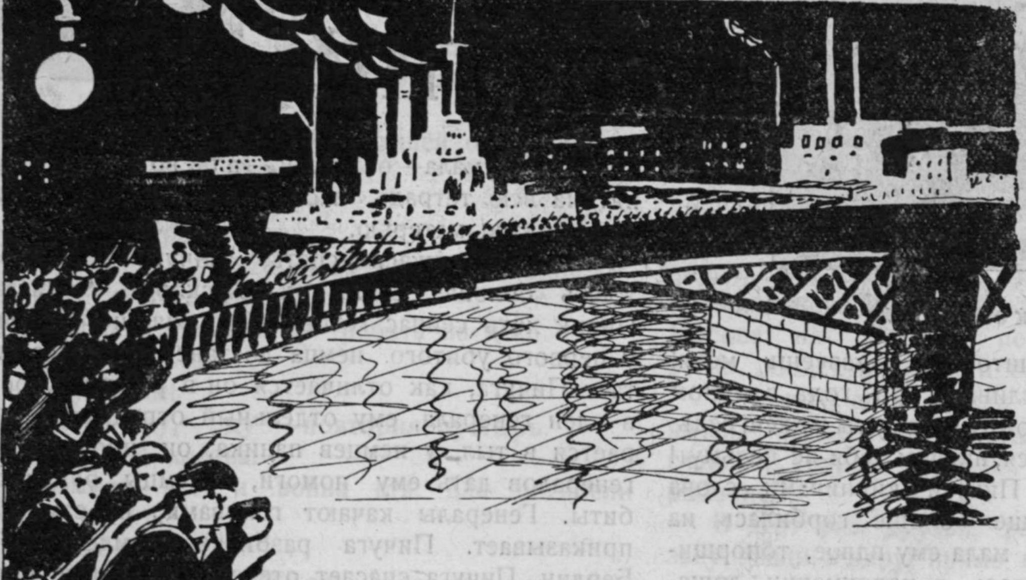
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН Ц. Б. ДЕТ. КОМ. ГРУПП им. В. И. ЛЕНИНА при ЦК РЛКСМ и НАРКОМПРОСА

Редакция: Москва, Старая пл., 10, Издательство „Молодая Гвардия".

№ 8 ОКТЯБРЬ 1924 г.

ВОСЬМОЙ ОКТЯБРЬ

В этот день, в этот час, в этот миг,
Когда землю знамена тревожат,
Когда вдумчивый Ленинский лик
Светит в лицах живых молодежи,—
В этот день, в этот час, в этот миг,
Я хотел бы быть на год моложе!..

Не затем, чтоб вернуться назад
К дням вчерашних бодрящих волнений,—
Их и нынче несет на парад
Стройный строй молодых поколений:
Октябревичей, октябрят,—
Всех, вписавших в сердца свои: Ленин.

Всех пришедших сегодня спаять
Сердце с сердцем, шаг с шагом теснее,
Чтоб под Ленинским знаком отдать
Жизнь заводам, полям и траншеям,—
В этот день хорошо бы не знать,
Что Ильич, наш Ильич—в мавзолее!..

В этот миг, в этот час, в этот день,
День, который вождем заложен,—
Есть ли мысль, чем мысль о вожде
Вдохновенней, острей и дороже?!.
В этот миг, в этот час, в этот день
Я хотел бы быть на год моложе!..

Александр Жаров.

Н. Богданов. *Рис. К. А. Фридберга—Арманд.*

ДВОЕ И ТРЕТИЙ.

Трое, как они есть.

— Господи, и за што ты наказуешь меня! Болван, голова твоя ослиная, три года в одном классе! Ведь сирота ты, помру я, кому ты нужен; ведь ты и писать-то не научился, писцом тебя не возьмут!

Падали на голову Пичуги кирпичами слова матери. Он ежился, еще больше горбилась на спине шинель, которая мала ему вдвое, топорщились руки, и вытягивалось в недоумении лошадиное длинное лицо.

— В писцы не возьмут. Вот чудачка мать—его в писцы! Погоди, вот приедет он героем, на белом коне...—думает про себя Пичуга.

— Посудите, люди добрые! Живу на пенсию. бьюсь, как рыба, а он—бесчувственная животная, и не чувствует!—обращалась мать ко всем четырем стенам комнатушки и к чугуну супа на столе.—Ма, остынет,—не утерпел Пичуга, во все время разговора бросавший красноречивые взгляды на дымившийся чугун.

— Тьфу, жри, да за уроки!

Пичуга садился и прятал в карман булку. После обеда эта булка лежала вместе с другими в ящике за комодом. Пичуга хочет бежать на войну и собирает провизию. После обеда склоняет Пичуга голову над тетрадью и любовно расписывается на корке—Михаил Ферапонтович Пичугин.

Потом забывает об уроках, о материнской ругани, чертит на тетрадке нелепые фигуры воюющих немцев и русских и вслух рассказывает:—русские в обход, а немцы из-за засады, бах, а тут казаки, ура!...

— Ах ты, негодный!—неведомая сила схватывает увлекшегося Пичугу за волосы, и некоторое время он трепыхается, точно пляшет „русского“.

— Я думала—он уроки,—а он вот што! Чертенят на всю тетрадь насажал...—Неведомая сила оказывается матерью.

Сегодня, ложась спать, Пичуга решает не ждать больше, ехать, ехать скорее! Сурьеза и Пивик хоть сейчас готовы. Оружия нет—ерунда, у первого убитого немца достанет. И долго мечтает Пичуга, как отличается он в разведке, берет в плен генерала, ему отдельный отряд, он пробирается в тыл, у немцев паника, он просит седых генералов дать ему помоги, и немцы будут разбиты. Генералы качают головами, но сам царь приказывает. Пичуга разбивает немцев. Берут Берлин. Пичуга спасает отечество, Пичуге почет, ордена, отличия, он уже не Пичуга,—а фельдмаршал!

Нарушает Пичугины мечты хруп в ящике.

— Ах черти, мыши!—и Пичуга долго гоняет непрошенных гостей, ворующих его запасы.

Утром, надев ранец, Пичуга шагает в гимназию; дойдя до полдороги, оглядывается. Мать уже не следит, и Пичуга беговым одногорбым верблюдом несется по переулкам до самых пустырей.

— Пичуга!

— Пичуженька!

— Порхай сюда!—Встретили друга Пивик и Сурьеза.

Кое-как перетаскивает Пичуга свои мощи через забор.

— Ну как, достали?

— Ага, вот мотри!

— Эх, ты! Давай мне.—И Пичуга протянул руку за ржавым австрийским тесаком.

— Зачем тебе, у меня будет.

— Да-ведь, я за старшого буду!

— Ну што ж, а сабля тебе на што?

— Дурак, видел ты офицера без сабли. А?—Сурьеза стал в тупик и отдал Пичуге саблю.

— Ну, ребята, я решил, бежим завтра—ни шагу назад! Еще раз давайте клятву.

— Даем!

Индюк прогуливался по пустырям и видел, как трое ребят вытянули руки и смотрели друг другу в глаза, стараясь не мигать.

Лицо Пивика, всегда точно испуганное, его торчащие рыжие вихры (за эти вихры и острый нос прозвали Пивиком) поразили индюка, и он заглюкал и затарахтел крыльями.

На завтра решено бежать, вечером сходиться в пустырях.

Пивику удалось легко удрать. мать его дома почти и не бывает—прачка, по всем дворам мотается.

Сказав, что к товарищам учить уроки, удрал и Пичуга. Ждали Сурьезу.

Отец Сурьезы—рабочий на гвоздильном заводе, серьезный, хмурый, прозвали его „Сурьезой"; от отца к сыну перешло название. И как раз подошло. Такой же серьезный был и Гараська Сурьеза.

Зажглись в городе огни, темней стало на пустыре. Жуть... А Сурьезы нет.

— Чу, он,—ево сапоги!

— Они, Сурьеза!

Действительно, грохали пудовые отцовские сапоги и несли Сурьезу.

— Ты што так долго?—ребята на него.

Молчит Сурьеза.

— Ну, едем!

— Я не еду,—„ду"—повторил пустырь.

— Што? А клятва!

— Омман—все, и война ета, для погибели рабочих!

— Как обман?!

— Омман—дядиньки у отца говорили, они знают капитанисты ето подстроили, карман набить.

— Сурьеза, не говори так, страшно,—дернул Пивик за рукав.

— Врет он. Я знаю, пойдем Пивик, изменник он!—сорвался с места опешивший Пичуга.

Пивик вертел головой и только моргал.

— Ну, Пивик, идем.

— Я... Я тоже...

— И ты? Чорт с вами, трусы!—Пичуга двинулся. Ребята сидели и смотрели, как качалась по пустырю его нелепая фигура и скрылась за развалинами.

— Ушел,—вздохнул Пивик.

— Ушел, только зря он, Пивик,—не потому я, что трус...

Сурьеза лег на спину и задумался.

Чужой.

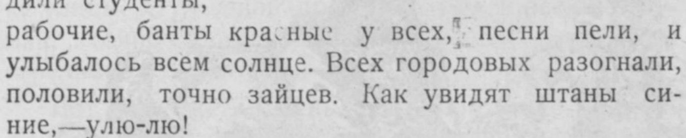
Не уехал на войну и Пичуга. Так случилось,—прыгнул тогда через забор и так неловко—отвалилось полбашмака,—будто нарочно. Едва домой доскочил, всю ногу ознобил. Решил Пичуга ждать весны. Тогда и воевать-то интересней.

На ребят обиделся, и откачнулись друзья друг от друга, перестали водиться.

Если встретятся, — мимо проходят, посвистывают, будто и не были они з-кадычной троицей, все собаки их троих сразу знали не по одиночку,—а теперь, на!

В феврале сшибли царя. По Москве ходили студенты, рабочие, банты красные у всех, песни пели, и улыбалось всем солнце. Всех городовых разогнали, половили, точно зайцев. Как увидят штаны синие,—улю-лю!

Сурьеза с Пивиком во всем горячее участие принимали. К пасхе пошли очереди и карточки, к лету стали что-то ворчать, шушукаться. Кто говорил, царя опять надо,—кто поминал каких-то большевиков. И промелькнуло имя Ленина. В Москве на площади появилась на дому вывеска „Совет рабочих и солдатских депутатов".

У самого дома всегда висели газеты, народ их читал. Сурьеза с Пивиком толкались тут-же: главное, народ в этих депутатах все свои—рабочие.

В этот раз друзья, разжившись папиросами, закуривали, и вдруг прямо по тротуару вышагивает кадетик. Новенькая шинелька и сапожки чик-чик. А рядом! Ребята толкнули друг друга в бока. Рядом семенил Пичуга все в той же шинельке, растопырив руки.

Поровнявшись с домом советов, кадетик сквозь зубы процедил:

—„Совет собачьих депутатов",—и фыркнул.

Пичуга подхихикнул. Кровь ударила в голову Сурьезе.

— Ты што, сволочь, понашаешься!

Схватил он кадетика за грудку, и пальцы впились в шелковую подкладку борта.

Кадетик побагровел и прошипел.—пусти, а то...

— Ты грозить, подлюга, на!

Сурьезина чумазая лапа шлепнула по белой щеке.

Кадетик вырвался и пнул Сурьезе ногой в живот. У парня сперло дух—насилу проикнул и, невзвидя свету белого, сграбастал кадетика медведем под себя.

Растерялся Пичуга и не знает, за кого ему? Вдруг всей тушей навалился он на Сурьезу и впился ему в шею.

Захрипел Сурьеза, выпустил кадетика, и его глаза встретились с глазами Пичуги.

— Вон што..., эх, Пичуга, за кого ты!

— Оборванец, погоди, мы вам покажем чумазым хамам,—ругался кадетик, отряхивая шинельку.

— Шпион ваш Ленин—вот кто, шпион немецкий!—звонко взвизгнул он, отойдя подальше. Как в воду опущен, пошел за ним Пичуга.

Сурьеза сплюнул: „пойдем, Пивик!“.

Пивик, на которого точно столбняк нашел, прыгнул к Сурьезе и за рукав:

— Сурьеза, а што, как Ленин шпиен?

— Дурак,—брешут буржуи,— заводы он отдать рабочим хатит, а мужикам—землю, вот они ненавистничают.

Всей тушей навалился он на Сурьезу.

С каждым днем глуше и грозней волновалась Москва, точно кто невидимый кипятил котел смолы. Ругали Керенскаго.

—Ишь выскочил—министра главная—под буржуйскую дудку пляшет,—ворчали рабочие.

—Постой, Корнилов вам пропишет,—говорила чистая публика, огрызаясь на рабочих.

Прошел июль—нашумело Петроградское восстание большевиков.

Ух, матросов побили страсть, половина клешев не осталось,—говорил раз, прибежав, Пивик Сурьезе.—А Ленин то убег бедный, юнкиря его взять хотели, а он—деловой, не поддался.

Отец Сурьезы, слушая, улыбнулся—не подастся им наш Ильич.

— И он не шпион, дядя Егор?

А ты как думаешь?

—А я думаю нет, солдат его видал, говорит—не такие шпионы вовсе: у ентих глаза бегают, а он взглянет, так прямо скрозь человека.

— Правильно, не врет солдат!

До самой осени ребята не видали больше Пичугу и не жалели. Чужой.

Как это было.

Растревоженным ульем гудела Москва. Вчера юнкера взяли Кремль, и брызнула на каменные плиты, по которым ходили цари, кровь безоружных солдат. Сегодня серая, чумазая Москва предместий и заводов взяла в неумелые руки ружья, и потекла по улицам к центру.

Тревожно запели первые пульки по Тверской, разозленными пчелами загудели, тыкаясь в закрытые железные веки витрин. Где-то на Арбате трескали залпы.

Промчались куда-то полные людей грузовики, ощетинившись, точно ежи, штыками.

Началось.

Узкий, горбатый переулок вытолкнул Сурьезу и Пивика с толпою прямо на площадь, где на каменном коне гарцовал белый генерал перед домом градоначальника.

Сурьеза сжимал в руке ту самую саблю—ржавый австрийский тесак. У Пивика не было ничего. Он лишь сжимал кулаки и впивался глазами в тот дом.

Вдруг треснул один выстрел и повис вопросительным знаком в воздухе. И ответило. Будто плеснули чем горячим, огрызнулся дом залпом. Упали все прямо в осеннюю слизь, испуганно затрещали вразброд. Видел Сурьеза, как зазвенели разбиваемые стекла.

— Пивик, ружье бы нам!

— Где, вон у больших-то нет.

— Пивик, а, ведь, не страшно, никого не задело...

Чаще затрещали выстрелы и, поскакав с мостовой, из дворов, от под'ездов опять покатились все к дому.

— Берем, товарищи, зараз!—размахивал солдат винтовкой.

Не докатилась толпа и пошла назад по мостовой, теряя людей.

Тут Сурьеза увидел первых убитых. Еще пытались и опять то же.

Товарищи, не горячись, чего зря—сейчас их пушкой.—От Страстного, наши приволокли,—отирая пот, говорил веснущатый солдат.

— Притихли. У Страстного навели пушку, и, когда отказались в доме сдаться, она вдруг рявкнула и лягушкой скакнула от отдачи.

— Ага, вот она!..

— Здорово хлобыщет!..

Пушка—еще, и, не веря глазам, увидели все, что трепыхается с балкончика белый носовой платок на штыке.

— Прекратить, товарищи, сдаются.

— То-то брат, антилерия!..

— Перпужались.

Гудя и волнуясь окружили дом. Плотной толпой выползали сдавшиеся, складывали оружие и поднимали руки вверх.

— У, ироды, поколоть вас!

—Чего топырились!

— Вояки липовые!

— Куда их деть-то?

— А вон в конюшню!

— И то...

— Ну, шевелись, братия!

Испуганным стадом, с дрожащими челюстями, старики чиновники, гимназистики, толкаясь и запинаясь, торопливо входили в конюшню пожарной части.

С насмешкой смотрели рабочие на это храброе воинство.

— Защитники царя, отечества...

— Смотри-ка, братцы—от чучело! ха, ха, ха!— закатился тот же веснущатый солдат. Все взглянули, да так и прыснули.

Идет Пичуга, руки красные растопырил вверх, а шинель поднялась горбом до самой спины, показывая потертые, в мелу штаны, короткие, обшарпанные и длинные отцовские штиблеты с аршин, а на них привязаны шпоры, да привязаны не тем боком. Идет и старается голову ежить, спрятать ее хочет.

— Тоже лыцарь. Эй, верблюда!..

— Это Пичуга,—вскинулся вдруг Сурьеза.

— Пичуга, хороша Пичуга...

Ну да, Пичуга, голова садовая, товарищем был!

— Энтот-то, а штож он шпоры-то...

Услыхал Пичуга, обернулся и видит Сурьеза с Пивиком победителями смотрят, укоряют. Не вытерпел он тут, рванулся.

— Товарищи, отпустите, за вас я, по ошибке я...

— Ну-ну чево!

— Наш это парень, ручаемся—выступили вдруг Сурьеза и Пивик.

— А вы кто такие?

— Верно, верно, товарищи, с нашего двора. Завсегда вместе были.

— Отпущать што ли?

— Да што от него, к матери за юбку, да выпороть стоит.

— Ну, катись!

Заревел тут Пичуга и к друзьям в об'ятия.

— Что же это ты, Пичуга, а?

— Смотри-ка с энтих пор, так отошел к юнкирям!

— Завьялов говорит за родину, я и пошел. А они все сволочи, никакая родина у них...

— Этот кадетик-то?—Я говорил, потому буржуй, раскусил теперь, то-то?

— Пичуга, а шпоры зачем у тебя?

— В кавалерию я хотел, а, ведь, без шпор кавалеристов не бывает.

Ребята переглянулись и ничего не сказали.

Л. Д. Троцкий.

Вместе.

Крутит мокрый снег, переходя в дождь. В насморке улицы. С головой прячутся дома в осенний туман, точно боятся уханья пушек и треска стрельбы.

Вот уже третий день идет бой; еще неизвестно, кто выйдет победителем. Юнкера не сдаются ни в казармах, ни в кремле, несмотря на обстрел красной артиллерии.

Волнуют слухи—с фронта едут для подавления верные Керенскому войска. Нет вестей из Питера, кроме тех, что взяли власть Советы с Лениным во главе, но надвигается грозной тучей Краснов с казаками. Главное—нет оружия.

Вот по Неглинке толпа. Спешат, волнуются. Впереди шинели двинцев. Приказ занять Китай-город,— и они идут.

Ухают и ухают пушки.

Донн!—донеслось от Кремля.

— Мотри, в колокол попала.

— Демидыч, это из Лефортова.

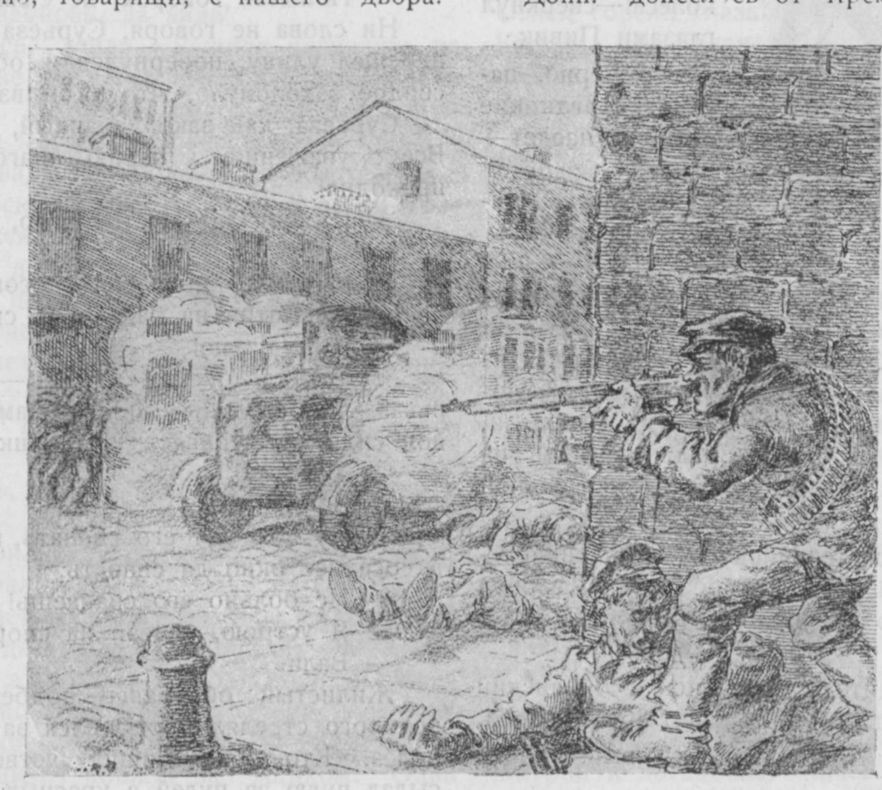
— Деляга, здорово кроет!

— Шагай, шагай, товарищи!

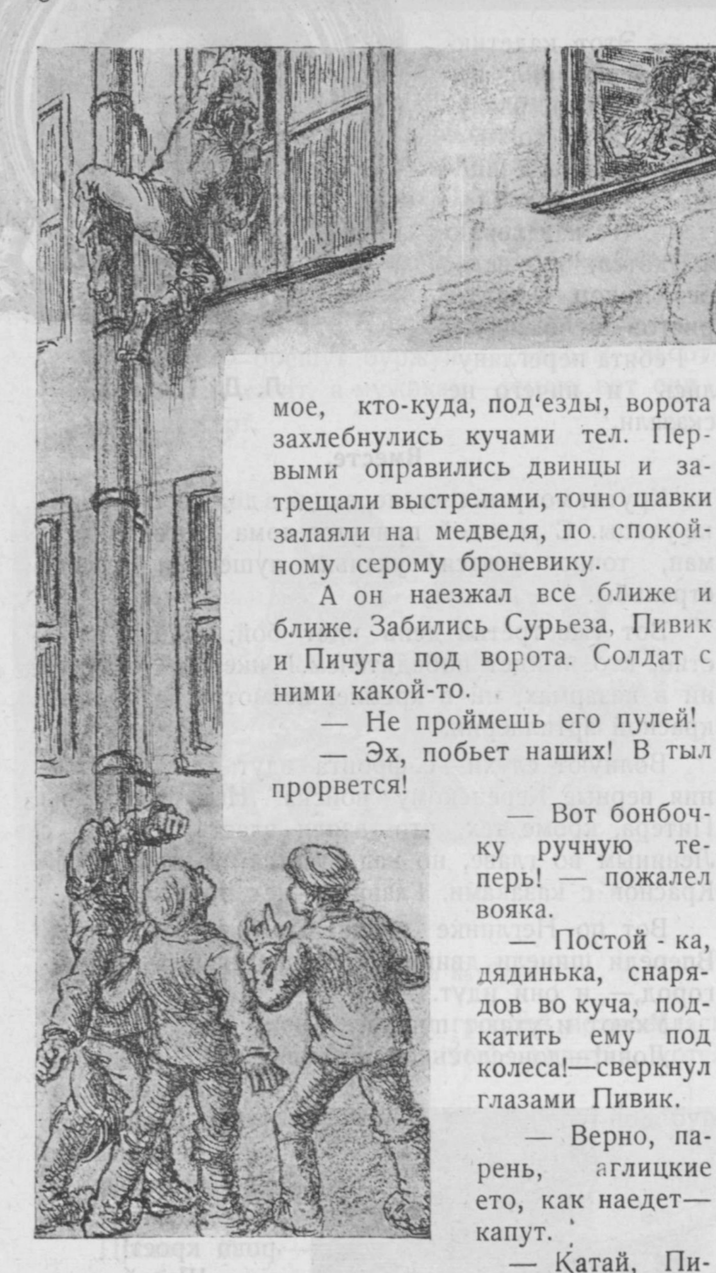
Завернули на Софийку и только двинулись, с Лубянки навстречу фырчит серый неповоротливый броневик. Повернул башенку с пулеметом и...

— Ложись! скомандовал двинец.

Хлестнуло свинцом с башенки, и, сея смерть, броневик накатился на беззащитную толпу. Поднялось невообрази-

Броневик накатился на толпу.

Затаили все дух

мое, кто-куда, под'езды, ворота захлебнулись кучами тел. Первыми оправились двинцы и затрещали выстрелами, точно шавки залаяли на медведя, по спокойному серому броневику.

А он наезжал все ближе и ближе. Забились Сурьеза, Пивик и Пичуга под ворота. Солдат с ними какой-то.

— Не проймешь его пулей!

— Эх, побьет наших! В тыл прорвется!

— Вот бонбочку ручную теперь! — пожалел вояка.

— Постой - ка, дядинька, снарядов во куча, подкатить ему под колеса!—сверкнул глазами Пивик.

— Верно, парень, аглицкие ето, как наедет— капут.

— Катай, Пичуга!

— Подваливай!

Из подворот под горку, как писанки на пасху, покатились пузатенькие английские снаряды под колеса броневика. Заметили на броневике, на всем ходу стоп и задний ход. В чем дело? Почему? Ободрились наши. Кто откуда выползли.

— Ура! Взяла! Струсил!—орали, шумели на броневик, прячась от вращающейся страшной башенки.

— Что такое,—растерялись на броневике,— уж, наверно, сзади снарядов набросали!?—Повернул шофер рычаг, и по переулку затарахтел броневик удирать.

Ликующие победители ворвались в Лубянский пассаж, и смелым ударом был занят Китай-город.

— Чего ж вы прятались, эх, вы!—укорял двинец рабочих.

— Чево, камнем его што ли? Подступиться нечем, палкой не прочкнешь!

Посмотрел солдат, а у половины ружей нет. Помолчал. Засели по Никольской и пошла трещать по кремлевским зубцам, по юнкерам, что за ними прятались. Троих ребят в штаб за пушкой; прямо с Никольской здорово будет по Никольским воротам крыть.

„Спаситель".

У Никитских ворот жарче всего, из рук в руки переходят позиции. За каждый дом бьются. Рабочие от Пресни хотят к центру прорваться, а юнкера переулками Тверскую перехватить. По Никитской пули роями, все вывески изрешетили. А оборванцы спорт затеяли: кто улицу перебежит? Из ворот в ворота проскочит и рад, другие хохочут и тоже скачут.

Со смертью в пятнышки!

Одному ухо прострелило. Над ним хохот: „не бегай, уши оборвет—злей твоей бабушки"!

Сурьеза, Пивик и Пичуга к Никитским пробирались. Наткнулись на такую штуку.

— Смотри, вот стервецы, с жиру бесятся, хоть бы нашим помогли, а то зря.

— Еще одному стукнуло!

— Ишь завикал—попало!

Проскочили ребята к ним, остановились, закурили. Смотрел, смотрел Сурьеза и важно пробасил:

— Ето што, ето ерунда.

— Попытай говорок, не с'ешь творог!

Ни слова не говоря, Сурьеза встал и шагом перешел улицу, повернулся и обратно. У ребят сердце захолонуло, что-то он вздумал?

Сурьеза, как заколдованный, и пуля не взяла. Все с уважением к парню, шагом еще никто не проходил!

— Ну видали? Пустое дело, — обратился он ко всем.

— Выдумай похлеще!—посоветовал парнюга босой, несмотря на падающий снег.

— И выдумаю!

— Есть дело еще хлеще, — подзадорил Сурьеза—вы, огольцы, по трубам шибко лазаете, вон сидит, попукивает из окошка в наших, вон...

— А, вижу!

— Во она!.

— Ну вот, вот его сцапать, пролезть по трубе в соседнее окно да сцапать.

— Не больно его сцапаешь!

— Я устрою,—давай на спор!

— Вали.

Жилистый оборванец подбежал к дому, из которого стреляли, схватился за трубу и кошкой полез. Кто-то из окошка четвертого этажа посылал пулю за пулей в красных у Никитских.

Затаили дух все. Лезет парень, до третьего долез. Тихо, не шумит, заметят—убьют. В зубах финка, до окна долез.

— Плешь какая, окно то закрыто!

— Сумеет!

Скоро только ноги парня торчали из форточки.

— Головой пошел!

А в окошке все стреляют. Вдруг—стоп.

— Эй, фью!—высунулась отчаянная рожа, размахивая ружьем из окна.

— Бежим, ребя, на помогу зовет!

— Дуем!

Всей оравой подбежали к дому.

Навстречу из домкома:—кто такие? Не пустим!

— Как так, а ежели у вас белые, черная сотня засела!

— Никаких не знаем, может, вы бандиты!

— Бандиты.... Взять его! — распоряжался Сурьеза.

— Я што ж, идите... я, товарищи... смылся домкомец.

Заскочили в комнату, наперли, поддалась дверь.

— Вот и мы!

— Ба, што это?!

— Лезарет, братва.

Ивпрямь, в спальне лежало человек пять раненых офицеров. Бледная хозяйка загораживала их, растопырив руки.

Один лежал, не двигаясь у окна.

— Убил его?

— Не, оглушил малость, отойдет.

— Оружие забирай, да айда!

Вооружившись, ушли. Решили наскочить на юнкеров в аптеке на Тверском бульваре, зайти с заднего двора. Этот дом долго красные атаковали и взять не могли. Добрались.

— Ну, братва, шуми больше, спужаются!

— Ура!—Поскакали все в окошко в дом и затрещали из ружей, кто как умел. Зайцами скакали юнкера из дома, удирая к своим.

— Пелимет, пелимет, хватай!

— Не попорченный!

— Кажись нет, постой, братики, я пулеметчик!

Из хлама под лестницей выполз солдат. Все фыркнули—что ты эдак извозился дядя, чисто домовой!

— Пришлось, сразу набежали, не убег я и сюда мырнул.

Пока провозились у пулемета, юнкера опомнились. Видят мало народу. Сразу на ура. Братва спасаться. Пулемет за собой и на двор. Вскочили, а бежать некуда, туда—сюда, за мусорный ящик засели.

Щелк, щелк, а пулемет заело. В воротах ружья на перевес длиннополая, голубая стена юнкеров. Штыки новенькие поблескивают. Заметались наши, как мыши от кошки, за ящиком. Одна минута жить осталась. Дрожат руки у пулеметчика.

Побледнел Пичуга, видит гибель. Стальные красивые юнкера, с ними Сережка Завьялов, а он Пичуга, с кем? С оборванцами! Пусть гибнут Сурьеза и Пивик, а ему зачем?

„Притворюсь, будто в плен к красным попался“, — мелькнуло.

Г. Е. Зиновьев.

Опешили юнкера, когда кинулась к ним длинная нелепая фигура, махая руками с диким ревом.

— Братцы, братцы, спасите!

Видят юнкера—шинель, остановились...

— Пичуга!—угадал Завьялов своего друга и защитника и заслонил от врага винтовкой.

Пока замешкались, выправился пулемет. Будто горячим чем плеснуло. Как ошпаренные, отскочили юнкера. Мелькнули Пичугины дырявые штиблеты.

— Вот сволочь-то!

— А кто это, почему с нами был?

— Да вон с ними,—тыкал оборванец на ребят. Ребята насупились и замолчали.

Из дверей дома повалил густой дым, удирая, подожгли юнкера, пришлось сматываться.

Был пасмурный день, но было ярко от алых знамен, когда праздновали рабочие победу.

Ласково и бодро пели песни, провожая погибших товарищей спать под стеной Кремля. Огнем горели глаза победителей, глядя, на взятый Кремль. На Красной площади, где проливалась первая кровь восставших солдат, был парад красной гвардии.

Густой толпой стояли, загораживая Минина, напрасно махал он отчаянно рукой.

Пивик и Сурьеза стояли впереди, потому что самые маленькие.

Вдруг ура раскатилось по рядам, замахали руками, шапками и увидели ребята кучку людей, которую приветствовали — это вожди, Муралов, Ярославский. Все шли и здоровались усталые, измятые, но радостные.

— А вы тоже,—красногвардейцы!—оглушил Сурьезу густой голос. Чья-то рука потрепала за голову.

Взглянул, а навстречу ласково щурятся и смеются глаза Муралова. Отошел Муралов, забушевало в груди, сам себе богатырем показался, будто вырос выше Минина, выше башен кремлевских, и влюбленно следил за серой фигурой, размахивающей руками. Следили за всем этим двое глаз из толпы, туманились обидой. Это Пичуга прятал руки в карманы кацавейки, слинял он шкурой и досадовал:—Зачем ушел, зачем ушел, наверно им ордена сейчас приколют!

Ориг. рис. И. Дубасова.

Владимир Ильич Ленин говорит с балкона; за ним стоят т. т. Сталин, Свердлов, Бухарин, Зиновьев и Троцкий.

А. В. Луначарский. *Пионерам.*

ВЕЛИКАЯ НОЧЬ.

Никто из участников революционной ночи, в которую был взят Зимний дворец, не забудет ее впечатлений.

Я провел ее на заседании II-го С'езда Советов, в котором большинство было, наконец, большевистское, принесшее нам полную победу.

Яростно относились к этому большевистскому большинству отвергнутые народом меньшевики и эс-эры. В ярко освещенном битком набитом зале Смольного раздавались великие речи Ленина и Троцкого вперемежку с выкриками и визгом поверженной мелкой буржуазии, а снаружи грохотали пушки.

Через каждые полчаса приходили вести; то тревожные: какие-то войска двигаются на мятежный Петроград и находятся где-то около Гатчины, а гатчинские товарищи присылают ходоков, чтобы известить, что они скорее лягут мертвыми, чем пропустят реакционные силы к сердцу революции; то радостные: „Аврора" направила свои пушки на Зимний дворец и требует его сдачи.

Троцкий с высоты трибуны заявляет, что метла истории вымела, как сор, мелко-буржуазных полусоциалистов и что революционный комитет Петрограда преподносит великий город в дар С'езду Советов. Какой - то меньшевистский подпоручик выкрикивает, что вся армия, вплоть до особой, моментально обратится против Петрограда и зальет его кровью. Из толпы кричат: „Вы говорите от имени офицеров, от имени солдат говорим мы". Сам воздух кажется каким-то особенным, потому что каждый понимает всемирно-историческое значение происходящего. А потом второпях собранное заседание Центрального Комитета кладет первый камень нового строя, распределяет обязанности народных комиссаров, извещает мир о нашем предложении покончить войну, издает первые великие декреты о переходе власти к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, о земле и т. д.

Еще придут великие художники, которые сумеют сделать вечной ту энергичную трепещущую жизнь, которая разливалась над революционным городом в эту ночь самую важную в мировой истории и которая будет вечно запечатлена в памяти сотен миллионов людей в настоящем и будущем.

Москва,
Кремль 22/X—24 г.

Ем. Ярославский.

ЮНЫМ ЛЕНИНЦАМ, РОЖДЕННЫМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Ем. Ярославский.

Это было в июльские дни 1917 г. В Москве рабочие и часть солдат, которые не хотели дольше терпеть, что на месте свергнутых царских министров уселись капиталисты и помещики, и продолжают вести войну, нужную только капиталистам и помещикам, вышли на улицу, но ряды их еще были неустойчивы тогда. Их плакаты и знамена, их требования тогда были только отдаленными проблесками, слабыми вспышками грозы, которая пронеслась потом в октябре-ноябре. А пока буржуазия ликовала, радовалась. Злобно она шипела против большевиков, подбивала на погромы, называла большевиков шпионами. В центре города спекулянты чувствовали себя под защитой меньшевиков и эсеров: эти не выдадут, эти защитят.

А на окраинах, в рабочих кварталах, рабочие копили силы, собирались на борьбу, готовились к Октябрьской революции. Там иначе думали, там иначе жили. Там понимали большевиков, там их любили.

Я вышел как-то вечером с собрания за Крестовской заставой, что в тогдашнем Алексеевском подрайоне. Был вечер. Солнце уже закатилось. Розово-алым был край неба. Шел с собрания, где впитал в себя страстные мечты рабочих о мире, о нещадной мести капиталистам, о борьбе с ними. Остановился недалеко от башни, Крестовской башни. Там не так шумно, как в центре города. Даже песня ребенка на улице слышна в тихий летний вечер.

И вот слышу поет детский голосок:

„Сбросим могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда“.

Оглянулся в ту сторону: девочка лет 10—12 с котомкою на плечах несет от водоразборного крана воду. На розовом небе ее платье казалось красным, словно наброшенное на этого ребенка красное знамя. И слова песни этой девочки вливали необыкновенную радостную уверенность. Да, если эти дети, дети рабочих кварталов с нами, если они сейчас впитали наши мысли, наши песни, живут нашими надеждами, мечтают о нашей борьбе—мы победим. Если сегодня не победили, победим через месяц, через год, через два.

И ушел в город от рабочей окраины радостный, словно не было поражения, уверенный, словно уже одержана победа.

В октябрьские дни дети рабочих нам помогали. Их нельзя было удержать в домах, когда отцы и матери братья и сестры вышли на улицы бороться с белогвардейцами. Они приходили к нам в штабы, приходили в казармы и помогали нам. Из Кремля, где я находился с ночи 26 октября до 28 октября, я поручил ребенку, сыну одного из защитников Кремля от белогвардейцев, отнести записку в Московский совет,—он это сделал превосходно.

В октябре 1917 года мы знали многих пролетарских детей, которые приняли участие в борьбе. В октябре же к нам в штаб Московского военного округа прилетели первые ласточки пионерского движения,—пришли мальчики из скаутских отрядов и заявили о нежелании быть со скаутами, о готовности бороться в наших рядах.

Те, кому было 4—5 лет в октябре-ноябре 1917 г., теперь вступают в отряды юных ленинцев. Они пережили вместе с нами тяжелые годы. На их глазах отцы и матери, братья и сестры с огромными трудностями создают и укрепляют Союз Советских Социалистических Республик. Но достроите его вы, юные ленинцы, рожденные и вскормленные великими днями Октября.

Ем. Ярославский.

ВАМ БУДУЩЕЕ!

(Речь, произнесенная на празднике торжественного обещания 71 отряда Зам. района Москва).

Юные товарищи! Я хочу вам всем сказать коротко, как велико значение сегодняшнего дня для вас, как огромно значение пионерского движения для всего рабочего класса, для всей революции. Оно еще только в самом зачатке, а растет так, что всем ясна гигантская сила, которая в нем. При всех своих огромных средствах буржуазия не могла создать ничего подобного. А мы, едва начавши, имели к концу прошлого года меньше $^1/_4$ миллиона, а теперь, вероятно, имеем около миллиона.

Это поистине великое движение должно захватить миллионы детей не только города, но и деревни; и мы видим, как пионеры городов действительно привлекают деревенских ребят. Через детей мы, таким образом, получаем смычку города с деревней.

Если говорить о количестве, о числе пионеров, не надо забывать, что мы были нищими. Вспомнить страшно, как в недавние первые годы революции мучились из-за пуда картошки, из-за каравая хлеба, ехали за ними по разрушенным железным дорогам за сотни верст, с опасностью для жизни. Но и в самое трудное время мы уделяли внимание детям, в самые трудные времена дети были на наших праздниках, наших демонстрациях самым ярким, радостным.

Конечно, если-б какой-нибудь художник год за годом записал красками картину детских отрядов, он увидел бы, как картина оживает все более яркими, радостно-веселыми красками, как все меньше и меньше становится серых, военного цвета, перешитых из отцовского, заплатанных и заштопанных костюмов, нет уже тех опорок, которые шились из тряпья, чтобы хоть во что нибудь одеться и обуться. Наше детское движение переживает на себе все трудности, какие переживает весь СССР. И теперь мы уже видим, что мы победили эти трудности.

Нас, взрослых, в пионерском движении привлекает, конечно, прежде всего то, что это движение подготовляет более здоровую, более сознательную, развитую смену. Нас радует этот рост сознания, когда ребенок не допускает брани, направленной против матери. В буржуазном обществе было так, что мать женщина считалась существом низшим; когда кто-нибудь хотел кого оскорбить, он оскорбляет бранными словами мать. И вот ребенок—пионер восстал против этого... Женщину, всех нас родившую, он хочет поднять из той грязи, в которую ее втоптали. Он это сделает.

Ребенок вносит новые, более здоровые отношения в семью.

Он против курения, он против пьянства, против брани. Он за дисциплину, он против религиозных предрассудков. Для него ребята—друзья—товарищи—братья и сестры—не только те, что родились от одного отца и одной матери. Для него все дети трудящихся, все дети — одна семья.

Вам принадлежит будущее. Вы достроите коммунизм. Помню, как об этом говорил Владимир Ильич Ленин, наш лучший друг и учитель: Мы не увидим расцвета коммунизма, а увидите его вы, и вы достроите начатое нами дело". „Мы шли более мучительным, более трудным путем, расчищая его, укладывая дорогу телами павших в борьбе.

Трудности еще остались. Не все препятствия еще сломлены. Трудности будут и у вас, жертвы потребуются и от вас. Но вы растете в понимании этих трудностей. Вы вступите в жизнь сознательными ленинцами, готовыми к борьбе. К завершению дела Ленина, к завершению дела коммунизма, к всегдашней помощи в борьбе рабочего класса,—

Будьте готовы!

Пионеры 71 отряда имени Ярославского, Замоскворецкого района, дают торжественное обещание. Наверху т. Ярославский надевает галстук новому пионеру.

А. В. Мандельштам-Одиссей.

ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ.

А. В. Луначарский.

Прошло 7 лет... Из года в год, при воспоминаниях об этих великих днях, все больше выясняется ничтожная роль отдельного сознательного участника. Все больше и больше вырисовывается роль массы.

Я—москвич. Знал ее в детские годы свои. Принимал участие в декабрьском вооруженном восстании 1905 года. Невольно сравниваешь эти годы, и на память приходят картинки из жизни революционных годов... Вспоминаются большие митинги, на которых очень много говорят и очень мало слушают.

Мне пришлось подслушать такого рода разговор. Рассказывает дворник бабам, как он был на „митинге", как „оратор" говорил, и что он понял: „Перелетай, перелетай и соединяйся". А это значило: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь"... Оратор, конечно, интеллигент и ему в голову не приходило, что масса слушает его горячую речь и мало понимает...

А. В. Мандельштам—Одиссей.

А 1917 год... Дело было тогда другое. Интеллигенции в наших рядах было мало. Мне пришлось принимать участие в восстании и в 1905 г. и в 1917 году в одном и том же районе: теперь он Бауманский *), а раньше назывался Басманным. В районе очень много фабрик и заводов, но в 1905 году там было больше разных студенческих организаций. Там высшее техническое училище, межевой институт. В 1905 г. там кипели революционные страсти, а в 1917 г. во всех этих высших учебных заведениях у нас был в районе один только студент, да и то не коммунист, а „сочувствующий"... Но зато за нами была масса рабочей молодежи.

Мне иной раз вспоминается наше вооружение. В 1905 г. нас было очень немного, но мы были зато лучше вооружены. А в 1917 году дело было хуже. Начали восстание; надо было расставлять патрули; полицейских мы „сняли", разоружили. Приводит раз парнишка к нам „в комитет" (я был тогда членом районного революционного комитета) двух—вооруженных „до зубов"—офицеров. Он их взял на Курском вокзале. Парнишка—небольшой, за плечами болтается винтовка—больше его роста. Мы разоружаем офицеров. Отбираем у них сабли, из карманов вынимаем револьверы, из боковых карманов—ручные гранаты. Я не могу утерпеть, спрашиваю в присутствии разоруженных офицеров парнишку: „Винтовка твоя заряжена?"—„Нет, товарищ. Вы обещались, а патронов не дали"... А что дать, когда у нас у самих не было...

Разоружили... Офицеры стоят смущенные, а парнишка начинает торговаться: „Товарищ, дай мне браунинг, вот этот... (показывает на отобранный у офицеров)"... Победитель с пустой, болтающейся за плечами винтовкой получает, он его заслужил... Так вооружалась революция в октябре 1917 года.

В Басманном районе стояли воинские части старой царской армии. Около свечного завода стояла „казачья сотня". Накануне восстания они прислали к нам в революционный комитет сказать, что они будут держать „нейтралитет"... т.-е. не с нами и не против нас, и честно выполнили свое слово... На Немецкой улице (теперь называется улица Баумана) есть казармы—там стоял „Самокатный полк" (солдаты в нем исполняли роль разведчиков). Эти ребята принимали самое деятельное участие в восстании на нашей стороне. Далее, в районе были „запасные части"—старички лет за 40. Они все почти разбежались, а нам отдали все свое вооружение. Вот почему винтовок у нас было порядочное количество. Патронов же не было—старое правительство не очень доверяло запасным и патроны на руки боялось раздавать.

А против нас были такие вооруженные силы: Алексеевское военное училище, кадетские корпуса, да в Доброслободском переулке школа прапорщиков. Все эти юнкера и офицеры были очень хорошо вооружены.

Была у нас и артиллерия. Недалеко от военного Алексеевского училища помещались артиллерийские мастерские (они, кажется, называются теперь „Мастяжарт"). Там были пушки, довольно много их было, но, чтобы стрелять из пушки и попасть в цель, надо иметь на пушке „прицельную раму", а то нельзя наводить,—а их у нас не было... А нам нужно было взять в первую голову Алексеевское военное училище. Вот стали мы рыть „окопы" около моста через Яузу. Вырыли окопы, подвели пушку и давай стрелять... „Бац!"—тут нам кричат...—„попали на Таганке в церковь". Разда-

*) В память нашего товарища И. Э. Баумана, убитого черной сотней в 1905 году.

ются крики: „черти, держи левее!“ Опять бахнули, опять попали... в завод „Гужон“ (теперь называется „Серп и Молот“)... Опять крики: „что вы, черти, своих перестреляете!“ Наконец, наловчились. Подвели пушку под самые стены военного училища и давай крыть... Почти всю стену разворотили. А там, за стенами, юнкера, офицеры, генералы—все народ очень понимающий в военном деле... И все-таки сдались... Вот этого в 1905 году не было: солдаты царской армии разбили тогда баррикады революции.

У нас в районе были очень опасные места: „Хитров рынок“ и „берега Яузы“. Там в каждом почти доме были притоны разврата и пьянства. И мы опасались, что босяки подымутся и начнут грабить и издеваться над мирным населением. В милицейских участках все высшие чиновники разбежались в самом начале восстания. Но мы организовали милицейских солдат, произвели выборы „комиссаров“, и порядок не нарушался ни на одну минуту.

Мне с первого дня пришлось в районе всем управлять и издавать „законы“: „когда производить торговлю, в какие часы открывать и закрывать магазины“. Спервоначалу чудно казалось—кто нас будет слушать? Оказалось,—все слушали. Напишем бумагу: „Во имя Рабоче-Крестьянской власти“... и слушались все торговцы, содержатели „меблированных комнат“, хозяева мелких мастерских.

В нашем районе был Курский вокзал. И вот с первых дней восстания начали прибывать к нам подкрепления из разных фабричных мест. Приехали отряды рабочих из Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Коврова и других мест. И прямо с места—в бой. Помню, приехал „такой отряд“ во главе с прапорщиком, молоденьким т. Ивановым (он теперь работает в Московском комитете). Я его знал по брату, который работал тогда у нас в районе. Мы начали уже военные действия и пошли в центр на подмогу... Узнаю вдруг, что в суматохе наши не разобрались, и молодого Иванова взяли в плен и арестовали—посадили в „Московский Совет“, как пленника. Пришлось его выручать.

Товарищи из провинции были народ очень горячий“—все время приходилось разбирать дела в „Курском революционном комитете“ (т.-е. на Московско-Курской железной дороге). Высшие железнодорожные служащие были в большинстве случаев против революции, торговались, виляли, грозили, что пойдут против нас. А рабочие и низшие служащие были все за нас. Высшие служащие грозили двинуть против нас войска, стоящие против революции, а низшие служащие не пропускали военных эшелонов, если они настроены были нереволюционно. Целые дни приходилось возиться, какие эшелоны пропускать и какие задерживать.

Помимо того, что мы дрались, нужно было подумать и о том, чем кормить город. Помню распоряжения из центра о том, что где-то на „Воробьевых горах“ есть много капусты, – „посылайте рабочих с мешками за ней“. Как быть? Трамваи перестали ходить. На улицах пальба. Мы не смущаемся, отдаем распоряжение по фабрикам и заводам, чтобы свободных рабочих и работниц выслали с мешками. Распоряжение сделать-то сделали, а сами сидим и раздумываем: „Что выйдет. Кто еще послушается“. И сошло. Все фабрики и заводы послушались. Мешки достали в кладовых заводских. Где были автомобили-грузовики, тех прикатили, и с капустой прикатили с Воробьевки и роздали ее.

Пронюхали наши железнодорожники, что где-то на Казанской дороге оказались товарные вагоны с „орудием“. Где-то, кто-то, куда-то отправлял. Снаряжаем автомобили, людей—это оружие взять. Ночью привозят в революционный комитет целые ящики с наганами, винтовками. Правда, мы плохо разбирались в „системах“—в большинстве оказались охотничьи. Ничего, настроение „крепчает“. Мы даже с центром поделились.

Теперь, как вспомнишь те веселые дни, то и самому в удивление: откуда брались силы, ведь, мы ночей 7 совсем не спали и все-таки вынесли восстание на своих плечах. Власть завоевали.

Не забудем только в дни торжеств о жертвах Октябрьской революции! Есть у кремлевской стены ряд могил. Там в большинстве случаев неизвестные люди, в дни Октября сложившие свои головы за наше дело.

Вот им пионеры, когда будут взрослыми людьми, выстроят большой хороший памятник. Это будет правильно.

Сергей Григорьев.

ТОНЬКИН ТАНК.

Рис. худ. Соколова-Аси.

Лбом в упор.

Тонька—озорник. И вот теперь-то его озорству и настала пора.

От Караванной через Юзово начал наступление Врангель. Мальчишкам дали волю: все на заводе готовились к отпору. Завод еще работает. Дымит труба электрического цеха. Ревет воздуходувка, струя из своего раструба в небо столб пыли. В обед на дворе собрался митинг. Большинство: отпор до последнего. Меньшинство: лучше отойти, чтобы сохранить силы, и, влившись в армию,—потом ударить. Паровозный машинист, Спирин, как всегда—особняком.

— Как ни кинь, выходит клин. Останемся,—перебьют. Уходить,—догонят. У него и броневики, и танки, и самолеты.

— Что же делать, по-твоему?

— Работать. Наше дело сторона.

Свист и крики „долой“ со всех сторон. Решили не снимать с завода красного флага и принять бой, если Врангель ударит на завод. А, может быть, минуя завод, он пойдет на Юзовую. „Едва — ли“ — покрутил головою Спирин...

— Ты только того и ждешь,—говорил ему после митинга Дудкин, Тонькин отец:—к нему перекинешься, контра густая. Пришить тебя в светлую. И конец.

Спирина пришить нельзя, он знает это и смеется из-под пегой бороды. На заводе остался всего один паровоз—и всю ночь и утро делал маневры, составляя маршрут—собирая вагоны со всех заводских тупиков: порожняку собралось сто сорок семь вагонов. Его непременно надо вывести на север, чтоб не достался белым. Спирин один за машиниста. И всем известно, что он охотно остался бы со своим паровозом в подарок генералу. Поэтому и гонят Спирина с порожняком подальше от греха.

И. В. Сталин.

Кончив маневры, Спирин поставил паровоз свой в свободный тупичок, почти у самого упора, чтобы быть в любой момент готовым. Кочегар и помощник пошли домой собраться в поезд. А Спирин (он одинокий—ему прощаться не с кем) слез с паровоза и лег на шпалах, сложенных у путей, на солнце—отдохнуть.

Тонька слышал, что сказал отец Спирину:

— Пришить бы тебя в светлую, контра густая...

— Вот и пришел,—говорит Тонька, высматривая из-за щитов, как Спирин укладывается на шпалах лицом вверх, раскинул руки, закрыл глаза, засвистал носом, захрапел; спит, умаялся; с паровоза не слезал семнадцать часов...

Тонька крадется с оглядкой к паровозу—никого кругом. Забрался на тендер, открыл инструментальный ящик, набрал гвоздей и, захватив ручник, вернулся к шпалам.

— Эй, дядя Спирин! Вставай,—закричал над машинистом Тонька.

Спирин не шевельнулся. Закинув голову и раскинув руки и ноги, он спал крепко: пушкой не разбудишь. Тонька влез на шпалы и в нескольких местах приколотил рукава, штаны и полы спиринского пиджака к шпалам. Тонька ловко загонял гвозди одним ударом. Спирин легонько ворочается во сне, бормочет,—но не проснулся, захрапел снова мерно с присвистом. И ветер развевает его бороду, как лохматый куст лебеды.

Тонька бегом к паровозу. Поставил реверс на передний ход и чуть приоткрыл регулятор. Паровоз тихо сапнул, дунул из кранов, двинулся к упору тупика и тихо стукнул буферами в упорный брус. Тонька поставил вестингауз на первый зубец, открыл регулятор почти на половину пара, а сам шмыгнул скорей с локомотива и ползком в бурьян за груду шлака. Выглядывает,—видно и Спирина на шпалах и паровоз.

Спирин спит. А паровоз, упершись, как козел рогами, в брус упора, бешено буксует: колеса вертятся, искры сыплются дождем из-под колес, из трубы клубы пара... Упор дрожит. Из цеха—кто-то увидал, бежит народ... Кричат: „Спирин, старый чорт“.

Спирин приподнял голову, хотел привстать,—не может, мотнулась борода, рванулся и кричит:

— Караул, братцы!... Беда!

Дудкин вскочил на паровоз, запер пар и открыл сифон, чтобы усилить тягу: манометр падает.

Около Спирина ребята столпились—хохот. .

— Вставай, что-ль, дядя Спирин—генерала-то проспал...

Спирин лежит с закрытыми глазами, губы стиснул. Процедил сквозь зубы:

— Ладно озоровать вам! Дудкин, возьми клещи на машине в малом ящике.

Чего сердитуешь? Сам виноват, машину кинул без призору,—утешает Спирина Дудкин, выдергивая из шпал гвозди...

— Тонькины штуки! Хулигана ростишь!

— Так я-ль его не учу? Приди он, вражий сын, теперь домой—башку сорву...

Услышав это обещание, Тонька сполз с кучи шлака и кустами таволги и чернаго былья прокрался к поросшему камышем ставку в степь за заводом.

Гусь голландский.

Тонька выбрал среди бурьяна бугорок с травой — лег на спину и слушает: не будет-ли за ним погони. Нет. Слышно: ревет воздуходувка, погукивает паровоз, стучат и звенят буферами вагоны—Спирин принялся за работу:—маршрут выводит на прямую.

Тонька вздыхает и со вздохом чует запах тины и осенней травы. Бурьян шуршит печально. В небе глаголем летит гусиный караван. Гуси тянут к морю на закат. А, может быть, они летят за моря? Хорошо бы вот так, как гуси сейчас,—думает Тонька,—ударить о земь каблуками, хлоп крыльями и улететь... Тонька прислушивается—и слышит с высоты гусиный окрик.

На призыв с неба всполошилась водяная птица на ставке. Загоготали гуси. Крякают утки. Тонька раздвинул бурьян и видит: на берегу заросшего кугой ставка собрались стаей заводские гуси: белые „голанские“, серые с гребнем и кадыком—тулузские, серо-белые—русские; гуси гогочут, шеи вытягивают над травой, шипят, хотя врагов не видно. Потом все всполошились, побежали, расправив крылья, в ту сторону, куда летит гусиный караван, захлопали крыльями, взлетели с гоготом чуть-чуть над серою землей и, обезсилев, тотчас пали, примиренно гогоча.

Тоньке жаль гусей. И вспомнил дудкинского гусака. Эти хоть по берегу ходят, пытаются взлететь,—а Тонькин отец гусака связал по ногам и крыльям—посадил в лукошко в чулане,—чтобы гусь жирел. Перед гусем чашки: с водой и с овсом. Как дойдет гусь до двадцати фунтов,—его отец зарежет.

—Постой еще,—со злостью шепчет Тонька—тоже—„башку сорву“. Я тебе докажу! Гусь летать должен.

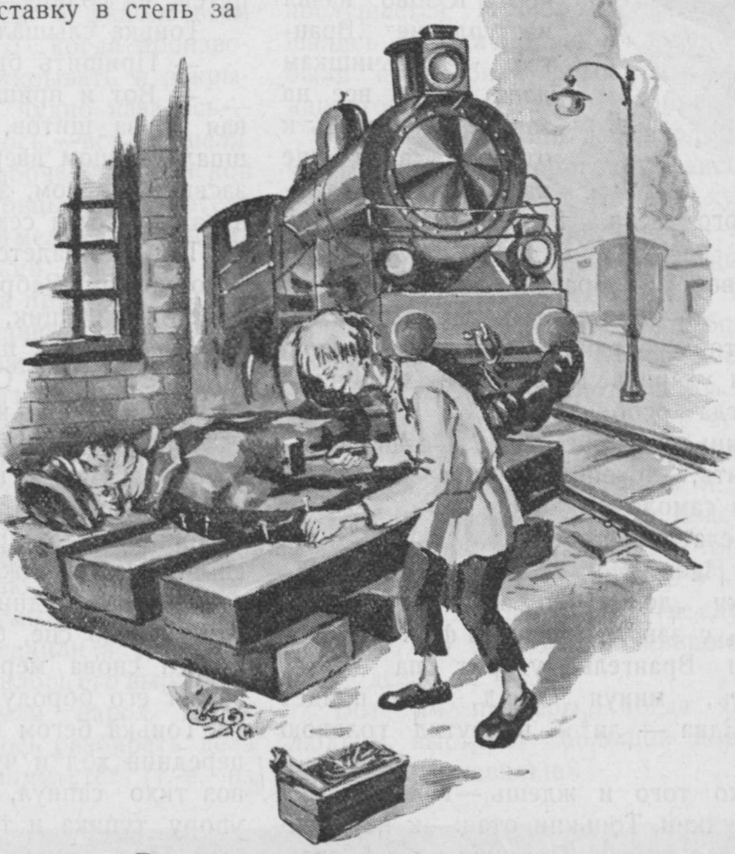
Тонька жует травинку и думает, глядя в небо, о том, как было бы хорошо помочь гусям взлететь,—и пусть поднявшись ввысь, летят за сине море за караваном диких товарищей... Небо ясно.

Тонька ловит ухом: не прокричат ли еще гуси в высоте—и слышит мерно-звонкое урчанье:

—Ероплан.

Быстрей и выше птиц несется аппарат. Под крыльями видны трехцветные круги: не наш! Покружился ястребом над станцией завода и опять помчал на север... Гул мотора затих и снова слышно только воет на заводе воздуходувка. Протяжно крикнул к отправлению паровоз, и Тонька слышит,—с визгом раздернув упряжь, тронулся поезд. Спирин уводит порожняк.

Тонька выбрался из бурьяна по задам, тропинкой, берегом ставка пробрался на огороды, оттуда в хату. Дома никого. Открыл чулан—гусь сидит в лукошке, спрятав голову в крыло.

Тонька ловко загонял гвозди, одним ударом.

— Кого?—спросил гусь сонно, поднимая голову.

— Тебя,—тебя шепчет гусю Тонька:—я, брат, придумал. Пущу тебя в небо—прямо еропланом полетишь—догоняй товарищей—лети за синие моря.

Разговаривая с гусем, Тонька разрезал карманным ножиком путы на гусиных лапах, потом на маховых перьях крыльев. Развязав гуся, Тонька пустил его на пол. Гусь начал было лениво охо-

раишваться,—а потом сел и снова спрятал голову в крыло.—„Ишь ты ленивый!“ Тонька схватил гуся под мышку и бегом пустился с улицы на заводской двор...

— Куда ты, Тонька?—крикнул вслед ему Ванюшка Тюрин.

— Гуся учить,—на-бегу ответил Тонька:—полетит!...

Тонька побежал прямиком к вышке воздуходувки. За Тонькой, прыгая через канавы и камни, несся тюринский Ванюшка с криком:

— Ребята, гусь полетит!

За тюринским Ванюшкой—Стенька Пыж, а за Пыжом — Семен Мохнач... Вереницей — кричат, гогочут.

Тонька карабкается с гусем по стремянкам вверх на вышку,—вот и мостик у самого раструба. Веет пыльный воздух, вихрем вырываясь из воронки вверх столбом. Сердце у Тоньки сладко прихватило:

— Ну, лети!

Он поднял гуся вверх обеими руками и кинул внутрь трубы...

Гусь крикнул, серым камнем его дунуло кверху—он взлетел под крик и свист мальчишек выше заводской трубы и там на высоте, испуганно крича, захлопал крыльями, сделал турмана, выправился и, гогоча, понесся вниз к ставку. Тонька видел, как он шлепнулся посредине в воду и поплыл. Гуси на берегу подняли неумолкаемый тревожный крик...

— Слезай!—услышал Тонька грозный окрик снизу.

Взглянул вниз. У нижней лестницы воздуходувки стоял отец. За плечами на погоне—винтовка. На груди и по поясу пулеметная лента накрест надета.

— Драться собрался! Ну, теперь беда, злой!—сорвет башку—подумал Тонька, спускаясь неохотно вниз.

— Слезай! Убью! — кричал Дудкин, стуча кулаком по стремянке так, что вся она дрожала.

Увидав, что Тонька спускается, Дудкин угомонился и ждал у нижней лестницы. Тонька сделал вид, что хочет ступить ногой на последнюю стремянку и упасть в руки гневного отца, но вдруг перекинулся через перила, повис на руках, охватил ногами столб, скользнул вниз по нему и кувырнулся мимо Дудкина за корпус цеха...

Мальчишки брызнули за ним...

— Убью! Стой!—заревел, топоча и щелкнув затвором, Дудкин...

Не взвидев света, Тонька прыгнул в канаву, из канавы на забор и—в склад заводского старья, наваленного грудами меж крыльев заводского корпуса...

Кулюкушки.

Пробежав мимо куч старых ржавых труб, прожженных варочных котлов, чугунного лома,—Тонька забежал под длинный навес склада. Это самое оно и есть место заводских мальчишек: тут все, как нарочно, приспособлено для игры в кулюкушки—иной раз так спрячешься, что и не найдут, да и сам выберешься сразу.

Я. М. Свердлов.

Тонька шмыгнул под навес туда, где лежал на боку клепанный из полуторадюймового железа бак в виде бочки,—в поперечине, примерно, футов восемь. На днище его в средине лаз: пролезть одним плечом взрослому, а сверху на другом—патрубок и флянец для восьмидюймовой трубы. Тонька влез через люк в бак, лег на дно и притаился...

Скоро он услыхал топот босых ног, и в бак просунулись следом за тюринским Ванюшкой Стенька Пыж и Семка Мохнач...

— Ребята? Он бежит за мной? — испуганно спросил друзей Тонька Дудкин...

— Чего там, друг, бежит. Не до того. Ты все бы баловаться.

— Знаешь: от Лимана генералу в бок наш броневой идет. А нам велели драться, чтоб генеральский поезд задержать. А тут „его“ тепленького и накроют!

— Так „он“ пока-что завод весь разобьет!

— Ну-к, чтож. Пускай, говорит, и разобьет. Держитесь, говорит до ночи. А там видать.

— Ну, да, „держись“,—спорил Тонька. Он как давнет нас танком. Мокренько сделает, да и пошел дальше. Кабы у нас хоть одно орудие. А пулеметом разь его прочкнешь? Постой, никак лудиаро...

— Не, это наши что-то в корпусе ворочают—пулеметы что ли ставят. Краснов наш велел стрелкам залечь в кюветах по кустам. Как генеральский поезд подойдет иль моторы, так со всех сторон огонь...

— А бабы с девчонками как же?...

— Спирин увез. Ну и ревели! Да и ребята все почти сбегли с бабьем. Вот ты, да мы—и все тут.

— Нам бы тоже надо взять оружие,—предложил Мохнач.—Винтовки-то я знаю где. И патронов ящичек.

— Возьмем?

— Да, возьми. Папанька меня стукнет, и дух вон.

— Что же делать-то?

— Чего делать, давай сразимся в три листика,—предложил Стенька.

— Идет!

Стенька достал из кармана старую пухлую колоду карт, с округленными от давней игры уголками. Сдали.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

КТО ЕДЕТ?

Матросы-красногвардейцы проверяют документы у едущих в автомобиле.

НА УЛИЦАХ.

Красногвардейцы у броневика им. лейтенанта Шмидта на улицах Петрограда.

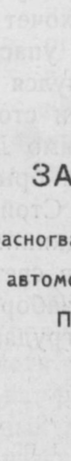
Белогвардейцы в Москве.

Юнкера и студенты отступают с позиций.

В. И. Ленин разговаривает по прямому проводу с главнокомандующим армией генералом Духониным о низложении Временного Правительства.

ЗАСТАВЫ.

Красногвардейская застава из автомобилей на улицах Петрограда.

КЪ ГРАЖДАНАМЪ РОССІИ!

...енное Правительство низложено.
Г...енная власть перешла въ руки органа П...скаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Д...въ, Военно-Революціоннаго Комитета, к...во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

...ло, за которое боролся на... немедленное предложеніе д...ратическаго мира, отмѣна п...щичьей собственности на з...ю, рабочій контроль надъ п...водствомъ, созданіе Со...скаго Правительства — это д... обезпечено.

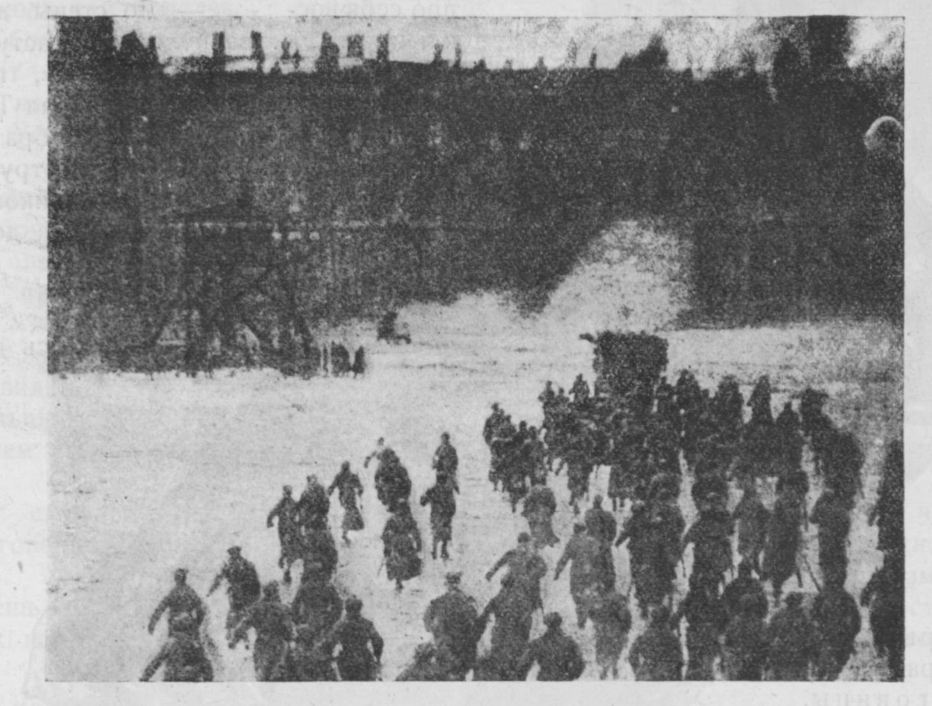
...ДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, С...ЪИ КРЕСТЬЯНЪ!

...оенно-Революціонный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Пер...воззвание о свержении Временного пра...тва и о переходе власти к Советам.

В НАСТУПЛЕНИЕ.

Атака Зимнего дворца в Петрограде в ночь на 25 октября.

ЗАЩИТА СМОЛЬНОГО.

Отряд красногвардейцев охраняет штаб большевиков в Смольном институте в Петрограде.

Ком антрацита пробовал отвалить,

— Хлюст козырей! — про себя воскликнул Тонька, вскрыв карты.

Ему везло. Мохнач проигрывался. Игра шла на пуговицы. Мохначу пришлось спороть остальные с пиджака, и дело доходило до того, что хоть со штанов спарывай—срам!

Меж тем время шло. В котле стемнело: масть не различить—значит, и на дворе сумерки. Мохнач бросил карты:—не буду больше.

Тут в первый раз и ударила глухо „очередь" из орудий: раз, два!—вторая ближе, и началась ружейная трескотня; пулеметов еще не слыхать,—стало быть, подходит неприятельский бронепоезд.

На дворе и в корпусе послышались голоса и крики. Мальчишки, кроме Тоньки, вылезли из котла и убежали. На дворе бухнула шрапнель и из заводского корпуса затарахтели пулеметы...

Тонька слушает крики и стрельбу, лежа на вогнутом дне котла, как в качалке; вспоминается утро—паровоз в упоре, аэроплан и гусь, вздунутый вентилятором в поднебесьи... Тонька мечтает:

— Вот бы такую штуку придумали: надеть крылышки, камешком свернуться, потом тебя из трубы—„пуф". В небе крылышки развернул и полетел—хорошо!

Тонька весело дрыгнул ногами и почуял, что котел под ним качнулся,—дрыгнул посильней—котел качнулся снова. Тонька вскочил и стал, стоя внутри, раскачивать котел с боку на бок, потом наступил на покатую стенку—стенка уступила ноге; шагнул еще—опять... Тонька засвистал и заухал: котел катится под его ногами по асфальтовому полу склада, потом глухо ударился о что-то и загудел.

— До стены дошел!—сообразил Тонька, повернулся и, наступая ногами, покатил котел в другую сторону, пока, опять ударяясь о что-то, (столб,—подумал Тонька) котел остановился.

— Понес обратно!

Тонька протрубил, как стрелочник, ответил паровозным криком и, фукая и шипя, покатил котел от столба до стенки...

Умаялся.

В огне.

Чаще рвалась шрапнель. Ее разрывы в котле, где сидел Тонька, отдавались колокольным гулом. Что-то грохнуло и градом застучало по крыше. — „Кирпичи, должно, трубу свалило". Тонька притих, свернулся в уголке котла и слушал, пяля глаза в непросветной темноте. Опять что-то грохнуло, и в люке котла зарябило зарево красного света. „Должно, корпус зажгли! Ишь, наши-то забегали"...

На дворе стреляют пачками, словно рвут коленкор. Пулеметы вдруг смолкли. Только ухали разрывы и пачками стрельба из винтовок. Рикошетом под навес склада залетела пуля, щелкнула остро молотом в котел и улетела, закопошилась осенней мухой между стен и замолкла.

На дворе настала тишина. Слышен треск пламени. В люк светит ярко.—„Кабы не сгореть мне",—подумал Тонька и хотел вылезть из котла и бежать из склада и тут услышал голос. Бежали, бранясь; шли, несли что-то тяжелое несколько человек. Тонька притаился. Что-то складывают близ котла на пол, стучат приклады об асфальт:

— Свои, аль те?—в испуге хочет догадаться Тонька и слышит разговор:

— Уплелись. Тут он не достанет...

— Он-то не достанет, да огонь достанет,—гляди под крышу забрался.

— Зря пулемет с патронами тащили. Стрелять отсюда некуда...

— Все Дудкин.

Тонька замер в испуге и слышит голос отца:

— А може еще пригодится. Погоди...

— Чего годить. Ясное дело, пропали мы. Бежать—всех перещелкают. Они за штабелями залегли. А здесь сидеть—сгорим. Ждать нечего.

— Попали в мышеловку.

— Куда паршивец Тонька подевался? Зря напугал его давеча,—говорит Дудкин.

Н. И. Бухарин.

Сердце у Тоньки заколотилось, в носу защипало, но, побеждая слезы, Тонька шепчет:

— То-то пожалел теперь, коль сам попался... Положим, напугал ты меня не больно...

— Конешно, зря — отвечает Дудкину голос дяди Чиркина: — с им прием надо знать — парнишка озорной, а смышленый. Убег, чай, в степь с приятелями...

— Положим, я не убегу, — шепчет Тонька.

Свет в котле все ярче. Рабочие курят, плюют, бранятся. Из разговора Тонька понял, что бронепоезд, разгромив завод, прошел на север дальше.

— Не задержали, черти, — ворчит тихонько Тонька: — это вам не со мной, видно.

Около завода остался небольшой отряд. Главная часть его лежит за штабелем угля и постреливает.

— Зайти бы им во фланг с пулеметом да прочесать вдоль штабелей, — говорит Дудкин: — только пыль пойдет.

— С каким лядом ты зайдешь-то...

— Все равно помирать... Эх! кто со мной? Все равно сгорите!...

Тонька ждет ответа. Все молчат. Слышны одинокие шаги. Пойдет ли кто за ним? У Тоньки под сердцем загорелось. „Один кабы не ушел". Тонька карабкается из люка наружу и кричит:

— Папанька! Погоди! И я с тобой! Ты меня не бей! Дядя Чиркин, не вели ему меня бить... Папанька! Постой! Что я тебе скажу?

— Да где ты был, сволочь?

— В котле сидел... Вот в этом. Ты погоди меня бить... Я тебе что скажу...

Рабочие — их пятеро — смеются. Чиркин берет Тоньку в охапку и, прижав к груди, успокаивает:

— Ну, не рвись, куда ты? Как птица, бьется. Никто тебя не бьет... Я не дам тебя.

— Вы меня не бейте. Я что скажу... Идемте все в котел. Он катится. Его пуля не берет. Ты гляди, дядя Чиркин...

Тонька вырвался из рук Чиркина, мышью юркнул в люк котла и оттуда глухо закричал:

— Гляди, ребята, сейчас пойдет к стене. Стоп! Назад!..

Котел на глазах рабочих покатился к стене, остановился и пошел назад.

Высунув веселую рожу из люка, Тонька кричал:

— Айда все сюда, всем места хватит, и поедем...

— Молодец, Тонька, — я говорю: не бей, — закричал Чиркин. — Давай, ребята, котел на двор. Чего придумал парень?

Рабочие выкатили котел из-под навеса на заводский двор. Корпус пылал во всех этажах. Крыша сейчас рухнет. Просовываясь одним плечом, рабочие стали пролезать внутрь котла... Когда один просунулся туда, Дудкин сказал:

— Погоди, товарищи, Иван, прими кобылку.

В люк просунули пулемет, винтовки, патроны.

Потом брались за внутрь и сами. — Все? Трогай...

Оружие держали на руках и, стоя лицом вперед внутри котла, шагнули все шестеро разом и заорали:

— Го-го-го!

Котел покатился по двору, слегка качаясь выпуклиной по камням неровной мостовой.

Дудкин сразу сообразил, стоя в котле, что надо делать. Выглядывая из патрубка в одном из днищ котла, Дудкин командовал товарищами. Когда надо было повернуть направо, велел остановиться тем, кто был рядом с ним у правого днища, и кричал:

— Заходи левым плечом.

Чиркин, стоя у левого днища, наступал вперед ногами, и котел, поворачиваясь, катился вправо.

Держи левей!

Забор и ворота склада пылали. Котел краем задел столб ворот и, осыпанный искрами и головнями, выкатился со двора. Под котлом захрустел антрацитовый орешник: им была засыпана, как дресвою, вокруг завода вся земля.

— Куда-ж ты правишь? — закричал Чиркин, видя, что котел катится направо мимо машинной: — держи левей!...

— Как левей?...

— Конешно. Зайдем им в бок, да ахнем...

— Эге! Спасибо, друг, напомнил. А я шкуру спасать хотел, — весело ответил Дудкин и закричал на Тоньку:

— Не вертись ты, рак морской, под ногами. Держи левей... Стой, ребята, давай сюда кобылку...

Из патрубка пулемета высунулось рыло пулемета...

Котел выкатился за линию штабелей и в зареве пожара видно, что за гребнем штабеля лежат в укрытии стрелки. Стреляют по заводу.

— Гляди, лежат и не чуют. Палят в вольный свет.

— Огонь!

— Есть огонь!

Видно было, как цепь стрелков, подобно стае воробьев, испуганно снялась под выстрелами и перебежала на другие кучи. Несколько человек осталось на месте. Из-за куч по котлу открыли

Сергей Малахов.

ПИОНЕР

Загорелый, вылитый и ясный
Ты мне улыбнулся и расцвел.
Ты мне крикнул: эй, братишка, здравствуй!
Вам идем на смену, комсомол!

И дрожит и рвется из рученок,
Знамя, наклоняясь у плеча,
Ты—малыш, но ты уже внученок:
Ты уже внученок Ильича.

Отошел, и пионерский галстук
Закачался с сотнями других,
Я смотрел, смотрел и улыбался,
Братьев провожая дорогих.

Вспомнил: Мы—такие шкеты—
Бегали толпой от городовых.
Грязных, неумелых, неодетых
Гнали нас нагайками, босых.

Вас теперь не тронешь, не ударишь,
Не пойдешь нагайкою кромсать,
Вся сгорела в бешенном пожаре
Золотопогонная краса.

Вот она передо мною пионером—
Новая невиданная жизнь.
Эй, старье! Ты слышишь?—Перед первым,
Перед этим маленьким,—Держись!

огонь—пули со звоном захлопали по стенкам котла, наполнив его нестерпимым гулом...

— Дай сюда скорей винтовку!—вдруг закричал Чиркин: —заходят сзади.

Три винтовки высунулись из люка.

— Жарь пачками!

— Поворачивай!—кричал Чиркин:—бегут на нас...

К котлу подбегало, то стреляя, то прячась за столбами и залегая за кучами шлака, несколько со дат.

Котел стал медленно к ним поворачиваться другой стороной—и на полуобороте — стоп! ни с места...

— Баста! На камень наехали. Давай назад!—закричал Чиркин.

Котел откатился, повернулся, но опять наткнулся тотчас на упор...

— Я вылезу,—кричит Тонька:—камень уберу...

— Вылазь!

Тоньку подсадили, и он вывалился из котла наружу... Заполз под котел—под боком у него огромный, пудов пяти, ком антрацита. Тонька попробовал отвалить и не может даже шевельнуть. Осмотрелся — кругом раскиданы все такие же комья.

— Давай назад!.. Ворочай!—кричит Тонька и захлебнулся криком:

— Вжик,—визгнула пуля, отскочив от железа, и обожгла мальчишке грудь. Тонька упал лицом на землю...

Котел покатился назад, отстреливаясь.

— Тонька, айда сюда!—напрасно звал из люка, стреляя, Чиркин.— Лежит. Никак, его убило!..

— Пусти!—расталкивая товарищей, сунулся к люку Дудкин...

Он, ободрав плечо, вывалился из котла наружу и пополз к тому месту, где ничком лежал Тонька...

Ружейная стрельба внезапно стихла. Снова орудийные удары.

По главной прогремел на заднем ходе бронепоезд. Задержался. Заиграл рожок. Поезд подобрал своих стрелков и снова загремел и, отступая, бил куда-то вдоль линии из всех орудий и пулеметов.

Дудкин дополз до Тоньки, приподнял его,— Тонька, как мешок. Дудкин обнял сына, встал во весь рост, взяв на руки сына, и побежал назад к котлу. Откуда-то стукнул одинокий выстрел. Дудкин споткнулся и упал ничком.

С шумом, похожим на горную реку весною,— с севера подкатил в дыму и грохоте орудий новый бронепоезд...

У завода встал, и из вагонов посыпались бойцы... Просыпав их на землю, поезд, мелькнув красным флагом в полыме пожара, пошел вслед неприятелю, кроя линию из длинных пушек.

Тоньку зарыли. Положили его в красном гробу в одну братскую могилу с отцом и другими товарищами. Играла музыка, стреляли из орудий, и знамя склонилось над могилой.

Когда к зиме угомонилось, и Врангеля загнали в Крым, заводской маляр написал на железном котле крупными буквами:

Тонькин танк.

Почти три года пролежал „Тонькин танк“ на том самом месте, где его покинул Дудкин в ночь врангелевского налета—около штабелей антрацита близ заводских тупиков. Когда завод возобновляли, Тонькин танк вмазали и замуровали на свое место в заводе.

Крепко помнят про Тоньку мальчишки. Вспоминают про паровоз в упоре лбом, про то, как гуся шибанула воздуходувка в небо, и много еще разных проделок Тоньки: озорник был, не тем будь помянут.

РЕБЯТА об ОКТЯБРЕ.

Л. Б. Каменев.

ОКТЯБРЬ.

Октябрь к нам пришел
Поющий и звенящий,
Веселый, радостный такой,
Всем душу веселящий.

По улицам народ идет,
Все лица счастием веют,
Знамена радостно шумят
И над толпою реют.

Здесь старики, и комсомол,
И пионеров звенья,
Все ленинцы и заодно
Идут три поколенья!

Наседкина.—Пионерка 5 отр.
Зам. района. Москва.

В октябрьские дни.

Вот корпуса химического завода. Всюду тишина. Вот уж 3 дня, как нет сообщений из Москвы о результатах борьбы. Рабочие бастуют. Ходят слухи, что управляющий заводом уехал в Сергиев-Посад за полицией, чтоб усмирить рабочих. Слухи были верные, явился отряд городовых. Окружив общежитие рабочих, пристав приказал стрелять, если ему не выдадут зачинщиков восстания. Рабочие зачинщиков не выдали. Грянул залп, и опять тишина. „Вперед“,—скомандовал пристав. Городовые ворвались в общежитие и арестовали всех подозрительных лиц. Рабочие сдались, но не унывали: они верили, что скоро должен притти конец буржуазной власти.

На другой день рабочие опять стояли у своих станков и котлов. Был полдень, на улице свистел ветер и моросил дождик.

— Товарищи! Победа!—кричал вбежавший в цех молодой рабочий, размахивая мокрой газетой.

Мигом обступили Благова, вскочившего на мешки с селитрой.

— Товарищи!—начал он,—Керенский бежал, юнкера разбиты! Власть в наших руках. Ленин стоит во главе.

Дальше говорить ему не дали, закричали „ура“ и запели Интернационал. Рабочие и плакали, и смеялись.

—Наконец-то мы добились своего,—говорили они друг другу. Появились красные флаги и с пением революционных песен двинулись к дому заводчика. Дом оказался пустым, хозяин его скрылся неизвестно куда. Ведь завод был в руках рабочих.

Завод, про который я описываю, находился в 8 верстах от Сергиевского Посада (66 верст от Москвы) в лесу. Это был химический частный завод Павла Афанасьева с сыновьями.

Пионер М. Бондаренко.

Что я помню об Октябре.

Мне было семь лет. У нас был подвал. И каждую ночь носили винтовки и ящик с патронами и пулемет; носили и перестали носить. Я думал, куда носят оружие и зачем. Я спросил одного дяденьку в нашей квартире, и он мне ответил: „Это приготовляют к революции“. Я испугался этим словам и пошел к матери.

Только подошел к матери, вдруг послышались выстрелы, окна загремели, на улицах автомобили ездят с вооруженными рабочими.

К нашим воротам под'ехал автомобиль, рабочие забрали в подвале оружие и помчались на Красную площадь под выстрелами.

На Швивой горке загрохотали пушки, пулеметы, и это продолжалось 7 дней, и на седьмой рабочие взяли власть.

Пикор Горохов (Москва).

Воспоминания.

В 1917 году была революция рабочих против буржуев. Я жил тогда на Большой Калужской улице, мне было тогда 7 лет. На Калужской площади стояли пушки, на посту стояли рабочие, на Крымский вал никого не пускали, потому что там была битва рабочих с буржуями. С нашего двора некоторые рабочие с винтовками шли к Крымскому мосту помогать своим товарищам свергнуть правительство Керенского.

На большой Калужской улице ездили казаки, не давая останавливаться народу. Когда я узнал, что рабочие победили, я обрадовался потому, что при капитализме жилось хуже; тогда отец у меня был на войне, мать брала шить палатки, тем мы только и кормились. А теперь у нас отец работает на фабрике 1-й образцовой типографии, и мы живем лучше.

Пионер В. Ксенофонтов.

Васька в Октябре.

Васька стоит на площади. Около ворот стоят пушки и вооруженные рабочие.

Васька подходит к одному из них и спрашивает:

— Для чего это?

— Марш отсюда, сопляк,—раздраженным голосом прогоняет его рабочий; обиженный, чуть не плача, подходит он к другому рабочему и, как-бы ища у него защиты, отчеканивает ему детским звонким голосом вопросы.

Погладив его по голове, рабочий серьезно начинает ему отвечать:

— В Кремле засели последние силы буржуазии, вот мы их и хотим разбить. Тогда все станут товарищами.—Улыбка пробежала у него по губам.

— И я с мамой?—разинув рот и засунув палец в нос, задает Васька опять вопрос.

— Да.

— Ну, дедушка, до-свидания, счастливо победить, они насолили беды нам!—он эти слова вчера у одного революционера слышал.

Ему представлялось, как он у них на дворе стоял на бочке и, размахивая руками, много говорил, но из всей его речи он запомнил только несколько драгоценных слов.

— Ну, всего.

Васька, отойдя от него, подошел к углу, утер нос рукавом и скорей побег сообщить матери. Ну вот, примчался, запыхавшись, к себе домой и, забыв про звонок, начал стучать, что было силы в дверь. Перепугавшаяся мать подскакивает к двери и дрожащим голосом спрашивает Ваську:

— Что с тобой?

— Знаешь что, мамочка, ты мне теперь уже не „мама“, а „товарищ“.—Мать шлепнула его по спине:

— Знай ты, чертенок, какая я тебе „товарищ“, я тебе мать.

Васька, надувшись, сел за стол, принял серьезный вид и начал читать по слогам газету, хотя ничего не понимал.

Вдруг, на его счастье послышался стук в дверь. Вышла мать, чтобы посмотреть, кто вошел. Входит дворник в белом фартуке.

— Сегодня ночью перестрелка между рабочими и юнкерами будет, засели черти в Кремле, думают, что они опять останутся, дудки. Свободно может попасть пулемет в наш дом, приказали сегодня ночевать внизу.

Васька никуда из дому с матерью не ушел. К вечеру началась перестрелка, рвались снаряды, летели пули с одной стороны в другую. Рвавшиеся бомбы сверкали в темной холодной ночи, освещая на одну минуту часть города. Лишь только к утру все это кончилось. Выйдя днем, Васька опять пошел поговорить с дедом, но, пройдя туда, он увидел пустое место. Пушек не было, а также и не стояли рабочие, лишь только на мостовой валялись пустые гильзы, в воздухе пахло порохом.

Спустя несколько дней увидел Васька на улице с плакатами и пением идущих рабочих в честь победы над насильниками. В этот день хоронили погибших братьев рабочих в войне с капиталистами. Знамена развевались в пространстве. Солнце, как бы подражая людям—сияло во-всю. Несли плакаты с надписью:

„Мы победили,—победят рабочие всех стран“.

И много других.

Васька в этот праздник рабочих выучил припев одной песни и куда бы он ни шел, всюду пел ее:

Это есть
Наш последний и решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Пионер В. Печенников.

В нашем городишке.

Это было в 1917 году, в городе Мелитополе. Мне было всего пять лет. Мы сидели в большом, холодном погребе. На станции стоял отряд красногвардейцев, а в противоположной стороне стоял отряд бело-бандитов.

Между ними шел сильный бой.

Наш погреб хорошо был защищен; на нем стоял четырехэтажный дом, а вокруг дома, в вышину одного этажа, стоял большой каменный забор. Ворота были железные, так что никто не мог к нам пробраться. Мы сидели молча, как услышали стук в ворота и окрик: „открывайте“... „свои... красные...“. Мы молчали, не решаясь открыть им, но один мужчина пошел и открыл им ворота. Я не могу описать той радости, какую я испытал, увидя перед собой настоящих красногвардейцев. Мы, видя полную безопасность, решили выйти на улицу и так и ахнули. Во всех магазинах окна были выбиты. Здорово досталось нашему городишке.

Пионер Я. Черкасский—7-го Отряда.
Замоскворецкого района. Москва.

За власть Советов.

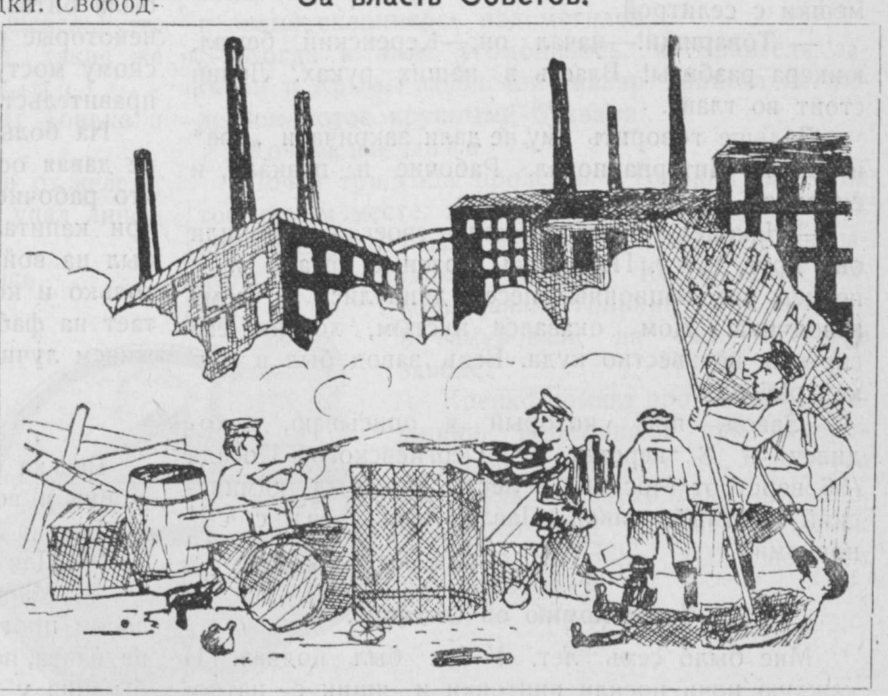

Рисунок Коли Тимофеева 13 лет. Детдом им. Октябрьской Революции.

В долине Автоб-Су.

В десятке верст от столицы Ферганской области—гор. Коканда, в живописной лощине „Автоб-Су“ [1]), утопающей в тени неисчислимых фруктовых садов, на берегу быстрого горного потока—уютно и приветливо расположился лагерь юных пионеров.

Ферганская долина—эта, как ее называют, „Жемчужина Туркестана“, благодатная, цветущая обл сть, разоренная голодом, истерзанная годами басмаческого разбоя,—ныне превратилась в груды разрушенных декханских [2]) хозяйств.

Не одна узбекская или киргизская семья, обездоленная свирепыми басмаческими налетами, зажатая в железные тиски костлявой рукой голода, поверженная в нужду, горе и подчас на вымирание, сходила со своих насиженных гнезд и брела куда глаза глядят.

Десятки и сотни детей, лишенные родительского крова и куска лепешки, голодающие и нищенствующие, изнуренные знойным солнцем в жаркую пору, кутаясь ватными лохмотьями в зимнюю стужу, бесцельно слонялись от одного разоренного кишлака [3]) к другому, безуспешно ища поесть, нередко устилая своими маленькими телами проезжие дороги..

Заработали детские дома и интернаты, государство помогало, чем могло.

И вот эти бездомные осиротевшие дети, стянутые из далеких горных аулов и глухих кишлаков в городские детские дома, заполнили больше, чем на половину прихотливо раскинувшийся лагерь.

Теперь, когда прошел уже год после кошмарных времен басмаческого разбоя,—этого источника смерти, горя и нескончаемых бедствий,—все вновь восстанавливается и оживает,—и пионерский лагерь, мирно расположившийся подле лачуг одобрительно и сочувствующе настроенных декхан,—яркий тому свидетель.

Весело выглядывают большие пузатые палатки, топорщась от яркого туркестанского солнца, и совсем незаметно притаились в тени десятки походных двускатных палаток, отведенных для самых малышей, или „мурашей“, как их прозвали.

Областной лагерный сбор (первый в Туркестане) насчитывает 350 пионеров, из которых $^3/_4$ дети местного коренного населения. Самое поразительное—краса и достижение здешних пионерских организаций—это наличие в лагере 25 узбекских девочек, вызывающих удивление и недоумение здешних жителей.

Чуть забрезжит солнечный свет, лагерь уже на ногах; начинается трудовой день: уборка, чистка и мощение площадок, стирка белья и варка обеда; кругом чистота, висят пионерские лозунги, в центре на большой доске красуется наша газета: „Известия долины Автоб-Су“ орган лагерного Исполнительного Комитета. А как зайдет солнце и над кишлаком нависнет мгла, десятки ярких костров освещают живописно раскинувшиеся группы юных пионеров, окрашивая мигающие пламенем огня сосредоточенные детские лица, внимательно слушающие рассказы комсомольцев. Все в лагере вызывает интерес кишлачных декхан: и невиданные палатки, большое красное знамя, разбросанные флажки, висячий веревочный мост через речку и, наконец, сами дети, такие далекие и не похожие на их собственных детей, и вместе с тем близкие, потому что они такие же коренные туземцы, как и сами сельчане.

Из уст в уста передавали кишлачные люди в соседние селения о хитро притаившемся в лощине таинственном лагере. И десятки декхан, чайрыкеров [4]), утомленные дневной жарой и тяжелой работой на хлопковых и рисовых полях, возвращаясь вечером домой с кетменем [5]) за плечами, д лали многоверстный круг, чтобы посмотреть на диковинный лагерь.

Приветливо и внимательно принимались окрестные мусульмане в пионерском лагере,—все им об'яснялось, все вопросы удовлетворялись.

---

[1]) Воды и солнца.
[2]) Крестьянских.
[3]) Селение.
[4]) Батраков.
[5]) Большая мотыка.

Узбекские девочки пионерки старались вовлечь в лагерь диких и пугливых кишлачных мусульманок, закрывающих лицо черной паранджой [1]) и боявшихся выйти за предел дувала [2]) своего двора. Велика была радость детей и гордость одержанной победы, когда одна-другая туземная женщина захаживала к ним в гости.

Крепкая дружба и смычка пошла между лагерной стоянкой пионеров и кишлачными жителями.

15-го августа было лунное затмение—интересное наблюдение для пытливых и любознательных туземных детей в лагере. Почти час весь диск луны был закрыт тенью. Не так-то было у окрестных жителей. Позднее ночью весь кишлак встрепенулся и забушевал в тревожном ожидании. Фанатичные муллы и ишаны протяжными заунывными криками будили спящее население, предвещая конец миру за грехи человеческие. Темные, религиозные мусульмане ожесточенно били в барабан, кетмени, в медные кунганы [3]) и котлы. Людские крики, завывание собак, глухой шум и стук тревожно и жутко доносились из тьмой окутанного кишлака.

А на другой день пионеры в знак своего ухода из кишлака, ознаменовали последний день своего пребывания в лагере устройством спектакля-концерта для кишлачного населения.

После приветственных речей начался вечер.

На импровизированной сцене, хватко подбоченясь, непринужденно пели лихие мусульманские песни наши „мураши". Декхане, сжавшиеся в тесную группу, усевшись на корточки, удивленно озираясь по сторонам, недоумевающе смотрели на невиданное дотоле зрелище.

Незатейливые симметричные пирамиды, вольные движения, небольшая туземная инсценировка—все вызывало в них небывалый эффект и впечатление; в особенности же пляски и песни узбекских пионерок—звонкие детские голоса далеко раздавались в кишлачной тиши. Понемногу круг кишлачных гостей стал увеличиваться, сидевшие вдали, на горке, спускались вниз, поближе к сцене; они становились смелее, податливее и разговорчивее. Упорное молчание, сначала прерываемое только их дружным смехом и одобрительными кивками, вскоре было нарушено; все об'единились в одну тесную семью. Раскачавшись, декхане не давали конца своему любопытству: „Почему было лунное затмение?", „Отчего бывает гром и молния?", „Почему снег падает на поля?", подобные вопросы нескончаемо сыпались на толково раз'яснявших комсомольцев.

Вечер закончился поздней ночью, и под конец количество гостей превышало пионеров.

Григорий Ферганский.

[1]) Покрывало.
[2]) Забор.
[3]) Кувшины.

Пионерский

В ГОРОДЕ. Постановка пьесы в отряде Кр.- Пресненского района (в Москве).

Привет из Анапы.

Здорово ребята!

У нас в Анапе всего только два отряда Ю. П. Организация существует с 1923 г., но работа была скаутская, так как не было нового руководителя. В этом году приехал новый. Приехал он летом и нашел пионеров очень мало, т. к. с наступлением лета много ребят уходят с родными на виноградники работать. Население здесь больше чернорабочее, и они летом работают поденно. В отрядах больше ребят из детдомов. Работа сейчас проводится практическая: игры, гимнастика и т. д. Пионеры из детдома работают на винограднике, который предоставлен в распоряжение детдома. А исключительно для пионеров виноградника пока нет. Мы упоминаем про виноградники часто потому, что виноградарство здесь сильно развито. Под участок, засеянный виноградом, занято 30 тысяч десятин). Большую часть времени ребята проводят на море и пляже. Загорели все, как арапы! Плаваем все, как рыбы! Проводим время очень весело, все здоровые. Правда, мы самого главного из летней пионерской работы не проделали: за неимением средств, да ребят мало было, мы не ходили в лагерь. Но в смысле оздоровления мы ничего не утеряли. Здесь в Анапе такой здоровый воздух, что вполне заменит любой из северных лагерей.

Выпускаем стенгазеты. Первый отряд издает месячный журнал.

До свиданья! Привет пионерам СССР.!

Отряд Ю. Пионеров. г. Анапы (Черноморская область).

У ДЕРЕВЕНСКИХ РЕБЯТ.

Как через газету и журнал мы стали безбожниками, пионерами и комсомольцами.

В большом, сравнительно культурном, но обессиленном голодовкой 1921 г. селе, на границе Урала и Сибири, осенью голодного года начали мы издавать рукописный журнал „Первые Искорки“.

Комсомола в то время в селе еще не было, появилась школьная ячейка, но она еще работала плохо, о ней ничего не было слышно. И вот тройка 12-летних малышей (учеников 3-й группы школы 1-й ступени) решила издавать домашний журнал.

Я об этом узнал случайно, посоветовал его издавать при местной библиотеке.

Ребятки согласились. Все трое вошли в редакционную коллегию. Были сами и редакторами, и писателями, и художниками.

Вышел первый номер журнала. Бледный, убогий, но произвел большой фурор не только среди детей-сверстников, но и среди взрослых.

Бесхитростные сочинения, стихи и проза читались с увлечением.

Потянулись к журналу и другие детишки, создали детскую секцию при библиотеке, стали ставить спектакли, купили красок, бумаги, и работа пошла.

Через год детей набралось уже более 35 человек.

Посеяли хлеба, часто в разговорах мечтали о коммуне.

Пошли на экскурсию в ближайший город. 120 верст прошли пешком, но зато как довольны были, — так много увидали, так много узнали.

Малыши от 8 до 14-летнего возраста, не бывавшие в городе, всем интересовались, обо всем расспрашивали.

Побывали в типографии, редакции газеты... Поговорили по телефону.

О своих впечатлениях вели дневник, а потом в журнале об этом писали.

А еще через год их было уже 63 человека.

Издавали уже не только журнал, начатый два года тому назад, но и газету.

Да не удовлетворились и этим, начали писать настоящую газету.

Были и средства. Выписывали ряд детских газет, журналов: „На Смену“, „Безбожник“. „Безбожник“ многих сделал безбожниками. Поснимали иконы дома, забросили церков, пошли в комсомол, что организовался к тому времени.

А когда организовался отряд пионеров в селе, малыши ушли в пионеры, старшие в комсомол.

И. Сверчко. (Челябинск).

театр.

В ДЕРЕВНЕ. Спектакль деревенских ребят коммунистической волости Московского уезда.

В волости 200 пионеров.

В Суземской волости, Севского уезда, Брянской губернии Международная Детская Неделя прошла хорошо и дала результаты.

М. С. Урицкий.

Крестьяне, узнав о юных пионерах и их работе, отнеслись очень хорошо, и сами посылали своих детей в пионеры.

Вышла одна женщина и говорит:

— Вот у меня трое детей. Я тоже хочу, чтобы они пионерами были, возьмите всех троих и учите их уму да разуму, чтобы хорошими были да дельными.

— Мы всех наших детей отпустим.

И организовали волости целых четыре отряда в четырех деревнях. В Суземке — 33 человека, в Олемкове — 60, в Горожанке — 40, да в Кокаревке — 60 человек. Руководители — комсомольцы.

Нам из кооперации, да из сельско-хозяйственного товарищества помогают. Уже и помещение под клубы дали. Хоть и малы, а все-ж работать можно. Есть где собраться, к зиме подготовиться.

И ребята очень заинтересовались, хоть и работают по крестьянству, поустают, а вечером соберутся, и так хорошо отдохнем. Куда лучше, чем раньше время зря проводили.

А то прямо с поля зайдут:

— Ты что ж с обротью (на оброти лошадей в поле водят) пришел?

— А я из поля прямо.

Митя Лавриков.

МЕШАЕТ СТРАДА

Пролетарські діти усіх країн, еднайтесь!

Будте готові!

Товарищи! Для кращеї спаіности пролетарських дітей, ми, селянські діти, котрі стоіме у організаціях „Юних Ленінців", хочем мать звязок з „Юними піонерами" Р. С. Ф. С. Р.

Наш „Юний Ленінець" у селі, у котрому с багато несвідомих дітей-батраків захоплює ці маси у свої лави и веде між ними як найкращу работу і діти села бачуть, що організація веде іх до чогось майбутнього і широкими лавами вступають у організацію „Юних Ленінців".

Юний Ленінець" у город працює краще через-те що там Ленінцам майже нема ніякоі работи, а у селі навпаки, а зараз ще жнива, так що кажен „Юний Ленінець" у роботі і тільки вечором іде у свій клуб, щоб позаніматься.

У нашіх „Юних Ленінців" настільки бідні матеріальні обставини, що у нас мало навіть літератури.

Пока що, товарищи, наша організація свою працю припинила, бо мішають жнива. Коли кончуться жнива, тоді я вам напишу більши.

З дитячим коммунистичним привітом.

П. Караван—(П. Сияч).

Пролетарские дети всех стран, соединяйтесь!

Будьте готовы!

Товарищи! Для лучшей спаянности пролетарских детей, мы, деревенские дети, которые находимся в организациях „Юных Ленинцев",хотим установить связь с „Юными пионерами" Р. С. Ф. С. Р. Наша организация „Юных Ленинцев" в селе, в котором много несознательных детей батраков, вовлекает их в свои ряды и ведет между ними работу. Дети села видят, что организация ведет их к будущему, и широкими рядами вступают в ряды „Ю. Л".

„Юные ленинцы" в городе работают лучше, потому что там ленинцам нет почти никакой работы, а в селе, наоборот: сейчас страда, каждый юный ленинец работает; только вечером идет в свой клуб позаниматься. Наши юные ленинцы настолько бедны, что у нас даже мало литературы.

Пока что, товарищи, наша организация приостановила свою работу потому, что мешает страда. Когда она кончится, тогда я вам напишу больше.

С детским коммунистическим приветом!

П. Караван.—(П. Сияч).

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! Верно ли мнение пикора П. Сияча, что „ленинцам—пионерам в гор. де нет почти никакой работы". Ответьте на страницах „Пионера".

Помощники.

Из лагеря вышли двести человек помогать крестьянам в полевых работах. Ребятам было отведено четыре десятины пшеницы. Дружно с песней, со смехом и шутками стали дергать пшеницу. Через двадцать минут пшеницу сложили в копны. Крестьяне удивлялись, видя нашу дружную и спайную работу.

Во второй раз вышли всем лагерем в семьсот пионеров, также с песней начали работу. Через короткое время с шести десятин было выдергано и убрано в валы.

Крестьяне были рады нашей помощи, а один даже, смеясь, подошел к пионерам и говорит: „Мы думали, пришли шарлатаны какие, поселились в лесу, а оказалось наши помощники в трудовой жизни.

Пионер 1-го отряда гор. Царицына
Сергей Ерошенко.

Лагерь пионеров г. Ярцева, Смоленской губернии.

МЫ НОВЫЙ БЫТ ПОСТРОИМ.

В. Володарский.

Церковь под пионерский клуб.

В шестидесяти верстах от Смоленска по Московско-Белорусской железной дороге, среди болот и редкого леса, высятся две высокие фабричные трубы.

Это—Ярцевская текстильная фабрика с пятью тысячами рабочих, а вокруг нее фабричный городок с двадцатью тысячами населения. Недалеко от громыхающего фабричного корпуса белеет единственная во всем Ярцеве церковь.

Под колокольный звон поплетутся в нее редкие фигуры из фабричных казарм — одни лишь старухи, да и тех не больше десятка.

Давно уже соблазняло сознательных Ярцевских рабочих просторное церковное помещение—при нашем недостатке в зданиях хороший бы клуб вышел из нее.

Но для этого шага не хватает хорошего толчка.

Зимой забурлила рабочая детвора Ярцева. Комсомольцы с красными косынками собирали ее под барабаны на строевое обучение. Новыми песнями и огласилось Ярцево—пионерскими песнями.

Лето того года принесло Ярцевским ткачам большой подарок.

По улицам шагали, отбивая барабанный такт, пестрые отряды красных галстуков.

Для пионеров лето, как лето. Прогулка, лагерь, работа у крестьян-бедняков, спорт, экскурсии—все честь честью.

Не успели ребята развернуться во всю ширь, как наступила осень.

— Босиком по грязи не пошлепаешь, надо искать клуб,— говорили ребята.

Посоветовались руководители и было решено:

— Даешь церковь под пионерский клуб!

На конференции беспартийной рабочей молодежи пионеры вносят предложение о церкви.

— Кто за?

— Единогласно!

Много шуму было на делегатском собрании работниц. Не хватает смелости поднять руку против церкви.

Решили.

— Клуб пионерам нужен обязательно. Но о церкви вопрос перенести на общее собрание всех рабочих.

Ну, мы теперь возьмемся за своих мамок. Обязательно. Пристанем так, чтобы согласились,—шумели пионеры.

Поп собирал своих сторонников. Старался расшевелить старух и мобилизовать темные ярцевские силы.

Но ничего у него не вышло. Когда рабочий клуб был битком набит тремя тысячами фабричных рабочих, юный пионер, после доклада о работе, сказал самое главное:

— Мы, ярцевские юные пионеры, предлагаем дать нам клуб, иначе нам негде работать.

Председатель об'являет:

— Вносится предложение отдать под пионерский клуб ярцевскую церковь. Рабочему Ярцева она не нужна.

Голосование:

— Кто за?

Лес рук вырос в клубе.

— Кто против?

— Сиротливо забелели в углу несколько рук.

— Ишь ты. Как мало верующих! Ловко!

— Кто воздержался?

— Три руки.

Предложение принято. Загремел Интернационал.

Этим самым была решена участь церкви.

Много усилий положили ребята, чтобы провести это решение в жизнь, зато теперь рады.

Ярцевские пионеры на зиму обеспечены просторным и светлым помещением, где скоро будет их клуб.

С. Колесниченко.

Смоленск.

Раньше драки, теперь клуб.

Во дворе, где живут рабочие лесопильного завода, всегда стоит шум. Это хозяйки, жены рабочих спорят, сплетничают, бьются, кричат о том, что Марфа стащила ведро угля у Анютки. Мужья же расположились группами по двору и играют в карты. В воздухе висит брань, слышны ругательства, двор не знает разумных развлечений, он знает только ругань, карты и пьянство. Ребята этого дома слывут за босяков в городе, они часто дерутся, кроют всех прохожих и часто избивают ребят других дворов.

Но вот сюда во двор, где царит такой мрак, появляется сначала один из ребят, которые поступили в ленинцы. Он начинает вести борьбу с этим мраком. Сначала окружающие относятся к нему недоверчиво, но поняв, что нельзя же жить так, как они живут, что нужно вырваться к свету, они пробуждаются.

Теперь, зайдя во двор, можно видеть клуб, где они занимаются по воскресеньям, можно встретить там разумный отдых, шашки, шахматы, книжки. Юный ленинец борется с невежеством и побеждает.

Кин Беловицкий.

Коллектив имени Воровского.

Полтава.

Дальтон-план.

— Ванька, как нас теперь интересно учат!

— Как?

— Вот как. Задают сразу на две недели, вот пыхтишь, да делаешь, да все это делаешь в школе, придешь ты в кабинет, ну, а по образованному, в лабораторию—он провел пальцем мимо носа, выпрямился, как-бы изображая из себя образованного—ну, вот, придешь это, значит ты, в лабораторию..

— Только ты поменьше ври—перебивает со смешком Ванька.

— Ну вот еще, на-кой мне врать,—он продолжает—ну вот придешь, берешь книгу и начинаешь из нее узнавать, читая то, что тебе задано.

— А для чего это?

— Вот балбес, чего тут и не понимаешь! Здесь узнаешь все сам, развиваешь самодеятельность, а у вас в школе учительница все сама вам говорит, а вы ее слушаете, да слова после нее и повторяете. А знаешь, как это обучение называется?

— Откудо-ж я знаю,—с завистью отвечает Петька.

— Это, Ванька, называется Дальтон-план, так называется потому, что придумал это ученый Дальтон. Ну вот, Ванька, запомни, что учение по Дальтон-плану развивает самодеятельность ребят.

Васька 13 лет.

59 отряд Замрайона. (Москва.)

ОТ РЕДАКЦИИ: Дальтонов план называется по городу Дальтону, в Америке, где он впервые применялся.

С'езд Пикоров.

Рано утром стали пикоры собираться около клуба РЛКСМ. Когда все пикоры собрались, мы отправились в парк под речку, там у нас и состоялся с'езд. Там говорилось, что нужно делать пикору в этом месяце, и обсуждались вопросы по поводу этого с'езда. К нам приехали ребята из редакции журнала „Пионер".

Они начали нам говорить о том, что нужно писать в журнал „Пионер" и о чем; они приводили примеры о том, как нужно писать рассказы, показывали плохие и хорошие рассказы и снимки, говорили, как их нужно снимать.

После этого с'езда все пикоры провожали своих друзей в Москву-матушку.

Пикор **Пантелеев.**

2- о отряда Подольск, Москов. губ.

Как мы выписали «ПИОНЕР».

Сегодня общее собрание нашего звена „смена". В повестке дня первый вопрос о том, как мы можем выписать журнал „ПИОНЕР". Дело в том, что всем ребятам очень хотелось читать свой журнал, а денег для этого нет. Долго ребята обсуждали этот вопрос и решили сделать так: на следующий день пойти на работу и на заработанные деньги выписать журнал.

На следующий день звено пошло на работу. Нам дали обчищать от песка старые кирпичи. Каждый из нас старался очистить побольше кирпичей для того, чтобы на большее время выписать „ПИОНЕР". В результате—пятьсот кирпичей, за что нам заплатили два рубля. После работы мы бежим на почту и выписываем наш любимый журнал.

Пикор **И. Шамис.**

Старый Константинов, Волынской губ.

НАШИ РАДИО-ЛЮБИТЕЛИ.

Несмотря на отсутствие необходимого материала, пионеры нашего дома продолжают упорно работать над устройством у себя в детдоме маленького радио-приемника. Мы отделили для себя маленький уголок для работы и установили радио-приемник, на крышу провели другой, от него две проволоки. По целым часам наши ребята сидят около него с самодельной трубкой у уха, слушая, не перепадет ли на их долю что-нибудь услышать.

— Эх, как охота услышать хотя бы словечко, тогда бы мы уж знали, что наша работа не пропадет даром.

Мы вспоминали в это время, как весь наш дом оставался без электричества, благодаря „монтерству" наших ребят, и боялись не, будет ли чего-нибудь подобного из этой затеи. Но вот сегодня утром раздался крик:

— Слышно! Слышно! — все бросились к радио-приемнику.

— Что слышно?!

— Да говорят: контрабандисты, англичане... и еще кто-то.

— Снова все затихло. Все разошлись, и наши электрики принялись снова усовершенствовать свой аппарат.

Пикор **Александр Журавлев.**

Пионеры 71 отр. при детском клубе „Уголок" за изготовлением радиоприемников

ПРОШУ СЛОВА.

Ф. Э. Дзержинский.

Нужно пионер-дет-кино.

Никто у нас не издает специально детских фильм, а выпускают вроде „Комбриг Иванов" и другие, совершенно непонятные пионерам и другим ребятам картины.

По-моему, надо организовать „Пионер-дет-кино", которое и издавало бы революционные детские фильмы взамен детских картин в буржуазном духе, вроде „Скверный мальчишка".

Поэтому призываю всех пионеров, комсомольцев, коммунистов и рабочих к созданию „Пионер-дет-кино".

Пионер **Анатолий Кузнецов.** 10 л. 3-й отряд им. тов. Рыкова (Москва).

Мало детских фильм.

Ребята! Я согласен, что мало детских кино-фильм в пионерском духе, но что такие картины, как „Скверный мальчишка", для нас не интересны—неверно: из этой фильмы ты узнаешь жизнь буржуазного ребенка, что очень интересно, а жизнь пролетарского, а также пионерского—мы знаем, так как нам повседневно приходится вращаться в этой организации.

Товарищ Кузнецов также считает плохой фильмой „Комбриг Иванов". В этом он тоже глубоко ошибается.—Эта фильма показывает нам жизнь Красной армии.

Детских фильм в пионерском духе мало, но зато есть фильмы, из которых очень многое узнаем.

В вопросе о создании пионер-дет-кино, я думаю, что товарищ Кузнецов прав.

Пикор **Васька.** (Москва).

Даешь кооператив в школе!

Всем ребятам в школе нужны тетради записные книжки, карандаши, листки,—где же они все это покупают? Часто в частных магазинах, где много переплачивают. А мы, пионеры, должны уничтожить частного торговца, усилить кооперацию, и поэтому надо организовать в школах кооперативы.

В государственном магазине для учебников при продаже оптом дают 30% скидки, а в школе вы, хотя и набавите немного больше, цена все-таки будет дешевле, чем у частного торговца.

Вот при 49-й школе Красно-Пресненского района в Москве пионеры уже организовали кооператив, работа идет с очень большим успехом и приносит большую пользу.

Пионер! Организуй кооператив при школе!

Это будет удар по частному торговцу и удобно для ребят.

Всю прибыль можно употребить для нужд кружков, на покупку книг для школьной библиотеки и пр. и пр.

Когда же кооператив материально окрепнет, тогда можно организовать при нем „Кружок кооперации" и этим самым распространять идею кооперации.

М. Кузин.

Пионер 4 отряда Сок. района (Москва).

Нужны ли конкурсы?

Ребята! Получаем очень много писем от отдельных пионеров с мнениями о конкурсах. Для того, чтобы вернее разрешить этот вопрос, предлагаем обсудить вопрос о конкурсе на сборе всего отряда и прислать в „Пионер" ваше коллективное мнение. Этим мы скорее и вернее разрешим вопрос о конкурсе.

РЕДАКЦИЯ.

Мы за

■ Я думаю, что конкурсы нужны. Вреда они, по-моему, никакого не приносят, а пользу, в некоторой степени, приносят. Я постараюсь привести факт. Например, конкурируют два или несколько отрядов на лучшую стенную газету или на лучшее поведение.

Проигравший конкурс отряд безусловно в дальнейшем будет брать пример с выигравшего конкурс: начнет тоже выпускать лучшую стенную газету, или постарается стать организованней. Вот уже и будет польза.

Вообще, по-моему, конкурсы можно устраивать, не готовясь к нему. Просто отряд должен всегда стараться поставить свою работу.

Тогда только, мне кажется, не будет ни с чьей стороны ни зависти, ни самолюбия. Кроме того, такие конкурсы не будут мешать дальнейшему течению работы отряда.

Мулька-пикор. (Харьков).

■ Я думаю, что конкурсы нам нужны потому что они исправляют недостатки, которые имеются у звена или отряда. У нас зачастую случались такие явления, что провалившееся на конкурсе звено старалось подтянуться в своей работе и, в конце—концов, становилось хорошим. Я думаю, что конкурс между звеньями или отрядами необходим.

Пикор **М. Шитов.** Пенза.

■ Прочитал и продумал этот вопрос и нашел, что нужно делать конкурсы. Почему? Да потому, что конкурс является проверкой знаний на коллективизм пионеров звена или отряда. Благодаря конкурсу, мы можем учитывать, как развиваются политически звенья или отряды. Некоторые говорят, что конкурс не подходит к пионерской организации тем, что как-будто развивает самолюбие и зависть.

Да, конечно, будет зависть у ребят в том отряде, где вожатый плохо относится к конкурсу, не об'яснит, а скажет: „Ребята, скоро конкурс, так подтянитесь, чтобы не проиграть, а выиграть".

Конечно, в таких отрядах конкурс не выйдет, как следует. А нужно что-то сделать для того, чтобы этой штуки не получилось. Надо ребятам раз'яснить так, чтобы они поняли, что конкурс не для того, чтобы стараться победить другое звено, а для дела.

Пикор **Б. Нестеров.**

А мы против

■ Когда у нас вожатый отряда об'явил конкурс между звеньями нашего отряда, то пионеры все стали быстро подготовлять то, что нам было задано.

Приходит срок. Вещи изготовлены. Остается определить, у какого звена лучше работа.

Останавливаемся на двух звеньях; это „Серп" и „Молот". „Серп" говорит: у меня лучше, а „Молот" говорит: у меня лучше. Толковали, судили, рядили, целых два часа обсуждали, чуть в драку не пустились, но все же ни к какому заключению не пришли. На помощь пришлось позвать комсомол. Комсомол сказал, что у „Молота" лучше. „Серп" остался недоволен. Теперь он все не может примириться из за этого.

Из всего этого видно, что конкурсы разлагающе действуют на пионеров. „Серп", помня эту обиду, сейчас все говорит, что ему не нравится у „Молота"—все у него нехорошо.

Конкурсы приносят большой вред в наших отрядах. А поэтому они нам не нужны.

Ваня Братчиков. Омутинск, Вятской губ.

■ Наша газета начала выходить в январе месяце 1924 года.

Ребята сначала заинтересовались газетой и в три первые номера писали исправно, но три очередные номера газеты пришлось выпускать исключительно силами редколлегии. Для того, чтобы поднять, как говорится, дух ребят и приохотить их писать в газету, мы, т.-е. редколлегия, об'явили конкурс на лучший художественный рассказ, а в виде премии предложили галстук и пионерский значек. Но ребята совершенно не обратили внимание на об'явление и ответили, что, мол, самые развитые ребята напишут хорошие рассказы, и они получат премию, а нам поэтому не надо писать.

Исходя из этого, я считаю, что конкурсы нам не только не нужны, но и вредны, потому что развивают в ребятах зависть друг к другу и желание выделиться из среды других.

Юля Черкасский. 17-й отряд (Москва).

■ Я вполне соглашаюсь, что конкурсы развивают у ребят зависть Вот примеры того, что конкурсы нам не полезны: у нас в отряде был об'явлен конкурс на лучший звеньевой уголок. И ничего хорошего. Ребята спорят, скрывают от другого звена свои работы, чтобы и они не сделали так же, и получается вражда.

Пикор **А. Васильев.**

БУНТ ШКОЛЬНИЦЫ.

(Из американского коммунистического журнала).

Руфь подняла голову, прервав работу, и взглянула на мать.

— Ма, не пора ли мне итти. Вчера я очень опоздала, знаешь. Мистри Бекер отвечала, не переставая работать.

—Хорошо, Руфь, сегодня можно. Ты не думай что матери очень приятно, когда ты опаздываешь в школу, только... Ну, ладно, складывай работу.

Руфь сейчас же вскочила, на бегу поцеловала мать и, как стрела, пролетела семь ступеней их крылечка. Это была худенькая, маленькая девочка лет двенадцати с темными глазами и очень бледная. Но в эту минуту все лицо ее раскраснелось от удовольствия, так как ей удалось подхватить двух товарок, Мэми и Эллу, которые жили на третьем этаже соседнего корпуса.

—А ты знаешь?—Элла крепко схватила Руфь за руку.—Вчера вечером, после уроков учительница говорила, что у нас кто то будет. Это значит, нас опять выстроят, как солдат, ну, вообще, как всегда.

Руфь засмеялась.

—О, пусть они меня только не вызывают.— А когда они поднимались по каменной лестнице школы № 149, она прибавила:

— Знаешь, Меми, я очень устала, мы сегодня дома работали с шести утра.

Когда они вошли, в классе было как-то необыкновенно тихо, и когда Руфь села на свое место, она увидела в конце комнаты, рядом с учительницей, толстого, очень хорошо одетого человека и рядом с ним маленькую девочку. На нее-то Руфь, особенно, и обратила внимание. Она была ее лет и, кроме того, похожа на нее: такие же густые черные волосы, темные карие глаза. Только она была гораздо толще Руфи и на щеках у нее был красивый румянец. Она была одета в хорошенькое клетчатое, шерстяное платье и, глядя на нее, Руфь невольно прижимала локти к телу, чтобы заплатки, на рукавах не были бы так заметны, чувствовала себя совсем жалкой, грязной и неуклюжей.

После обычного утреннего „салюта Американскому флагу“ учительница обратилась к детям.

— Дети,—сказала она,—сегодня мы можем гордиться, так как у нас в гостях мистер Френмон и его маленькая дочь. Мистер Френмон хочет сказать нам кое-что, и я надеюсь, что вы будете слушать очень внимательно, потому что мистер Френмон говорит всегда очень интересные и полезные вещи.

Руфь так и замерла. Мистер Френмон. Да, ведь, это же, значит, хозяин фабрики, на которой работают отец и старшие братья. Она вся подалась вперед, когда мистер Френмон встал и начал говорить. Что такое он скажет, что он скажет. Начал он так, как начинали всегда их именитые посетители. Он говорил, как приятно видеть их здесь и как билось его сердце, когда они салютовали американскому флагу, что это большое счастье для них—быть в школе, где все им дается даром, и что они должны гордиться, сознавая себя маленькими американскими гражданами.

—Понимаете вы теперь—говорил он,—почему в нашей стране не может быть извинения тому, кто остается бедным. Все трудолюбивые, все кто не боится тяжелого труда,—все, все до единого становятся богатыми. И только те, кто ленивы, кто старается как нибудь на грош пятаков купить, как всякие там большевики—только те ничего не могут заработать, только те.......

Руфь вся дрожала. Она думала о своем отце, старом прежде времени, сгорбленном, разбитом,

Наши немецкие товарищи.

Первый отряд в детском доме.

который за все время, как она себя помнит, уходил на работу в шесть утра, а когда возвращался поздно вечером, едва шел от усталости и сейчас же ложился в постель. Она думала о своем брате, Джорже, который уже работал у станка рядом с отцом, и о том, какой он всегда усталый. Она думала о своей матери, работающей с утра до ночи, и о том, как трудно заработать даже на кусок хлеба. Она взглянула вниз на свои собственные руки, и вдруг внезапные слезы обожгли ее глаза. Работать... Трудолюбивые... Да, ведь, они же должны быть счастливыми тогда. А она? Она должна быть и толстой и красивой, и хорошо одетой, ну вот, как та девочка... ..

Она оглянулась на подруг, чувствуют ли они то же самое, что она, или нет. А, может быть, они верят всему, что говорит этот человек. Им как-будто нравится то, что он говорит. Так неужели же они не понимают, что он их собственных отцов, матерей и братьев называет ленивцами, бессердечными, жестокими? Нет! Как нибудь надо им об'яснить. Нельзя же, что-бы они это думали. Она уже поднимала руку, чтобы попросить слова, когда ее вызвали. Мисс Роулер просила ее сказать стихотворение.

— „О, капитан, о, мой капитан", которое она хорошо декламировала.

Руфь вышла к доске и посмотрела на своих товарок. Вот все они перед ней, бледные, худенькие, в рваных, с заплатами платьях, в дырявых, безобразных башмаках.

— Ребята,— закричала она,— вы только не верьте, смотрите, ничему не верьте, что он тут рассказывал. Мы бедные. Да. Мы голодные. Да. Но наши отцы и матери не лентяи, слышите, не лентяи, они все время работают, они целый день......

Кончить ей не удалось. Взбешенная учительница грубо схватила ее за плечо и швырнула на скамейку, рассыпаясь в то же время в извинениях и любезностях по адресу мистера Френмона.

Руфь плакала. И в то же время ей было как-то приятно. Все таки ей удалось показать всем, что он лгал. И когда девочки обсуждали случившееся в перемену— все решили, что Руфь права.

Когда Руфь возвращалась домой, она чувствовала себя счастливее, чем когда либо за всю свою школьную жизнь, хотя и не знала, что это потому, что ей удалось задеть маленький уголок великой ослепительной правды рабочего класса—великой борьбы.

Н. В. Крыленко.

В немецком детдоме.

Однажды появился врач в одежде гитлеровца, которого мальчики встретили с криками:

„Это гитлеровец! Это фашист"!

Врач обратился с жалобой к директору учреждения, который пригласил к себе заведующего домом товарища Хунгер и указал ему, что необходимо запретить детям подобные выходки, в противном случае дирекция учреждения сочтет себя вынужденной сообщить об этом полиции. При этом директор высказал свое убеждение, что дети находятся под влиянием коммунистов. Он также запретил детям петь Интернационал.

Товарищ Хунгер возразил, что ему совершенно незачем оказывать какое-либо политическое влияние на детей и разучивать с ними революционные песни, так как дети сами занимаются всем этим в своих детских группах. Дирекция настаивала на том, чтобы врачу принесено было извинение за нанесенное ему, по его мнению, оскорбление. Три мальчика, встретившие врача обидевшими его криками, отправились к нему и оправдывались перед ним тем, что они по его одежде приняли его за фашиста, почему и провожали его этими восклицаниями. Врача подобные извинения не удовлеворили и он потребовал, чтобы директор сообщил об этом случае полиции.

Листовка в день Детской недели, изданная компартией Чехо-Словакии.

Пикоры! Редакция „Пионера" ждет от вас писем о работе пионеров в семье и школе!

Н. Бабаев.

ПИОНЕР, ИЗУЧАЙ АВИАЦИЮ!

Московские состязания моделей самолетов.

К делу строительства Красного воздушного флота привлекаются все более широкие массы. Пионеры горячо откликнулись на это. Они организуют кружки „юных авиаторов“, изучают авиацию, воздухоплавание, совершают экскурсии на аэродромы и авиозаводы, строят модели и пр.

Правда, начали они недавно (менее года), но результаты на-лицо — это показали первые московские состязания моделей 28-го сентября с. г. Происходили они в главном павильоне иностранного отдела сельско-хозяйственной выставки.

На стенах павильона пестрели флажки, лозунги ОДВФ. С раннего утра начали стекаться участники: юные авиаторы-пионеры и рабочая молодежь.

Техническая комиссия принимает модели, осматривает, измеряет, взвешивает и ставит номера. Всего было представлено около 70 летающих моделей самолетов и около 30 нелетающих.

Состязания открылись парадом всех участников со своими моделями. Затем приветственные речи—и состязания начались.

Модель за моделью взвиваются в воздух. Каждый удачный полет модели вызывает восторг у собравшихся.

Смущенно чувствуют себя неудачники—хотя таких было немного—модели катаются по земле и, несмотря на все старания, не хотят оторваться от пола. Ничего, первый только опыт, смущаться не следует.

Получили приз.

Набор инструментов и модель самолета „Юнкерс“

Первое место в состязании по летающим моделям занял кружок авиаторов-пионеров Центрального Дома юных пионеров Хамовнического района.

Модель пролетела 22 метра, продержалась в воздухе $6^1/_2$ сек. и поднялась на высоту 12 метров.

За лучшие модели выдавались призы: наборы инструментов, билеты на бесплатные полеты на самолете „Юнкерс“ и др.

В числе призов был журнал „Пионер“ на год.

Пионеры! Организуйтесь в кружки „Юных авиаторов“, изучайте авиацию, стройте модели.

Будьте всегда готовы к делу строительства нашего Красного Воздушного Флота.

Модели самолетов перед состязанием.

Издательство „Молодая Гвардия“.

Редакционная коллегия.
Ответств. редактор Х. Добин.

Главлит № 29319. Военная типография, Знаменка, 23 Тираж 20.000.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ.

Ребятам из звена „Безбожник“ 7-го отряда (Казань). Письмо к Московским пионерам напечатаем.

Пикорам **Рыбалке М. и Сладких М.** (Новониколаевск). Ответ т. Тарасову опоздал. Смотрите № 6 „Пионер“ второе письмо Тарасова.

Б. Когону. (Москва). Как сделать радиоприемник напечатано в № 7 „Пионера“. Насчет твоей заметки, то зайди в редакцию, побеседуем. **В. Ратнеру** (Оренбург). Присылай лучше материал из жизни киргизских детей. Удостоверение пионера скоро вышлем.

Н. Добровидскому. (Ростов на Дону), **Б. Потапову.** (Старый Златоуст), **Сысоеву.** (Баковский отряд), **Д. Глыбовскому.** (Гомель), **Л. Котову.** (Ярославль), **Ставропольскому.** Центральному детскому дошкольному дому, **И. Ерошенко.** (Царицын, **Я. Эпштейну.** (Харьков), **5-му Уфимскому отряду.** Присланный материал используем. В пикоры зачислим. Скоро вышлем удостоверения.

В. Грейскому. (Самара), **А. Каншиевскому.** (Мариуполь). **Н. Трифонову.** (Урал), **В. Копытину.** (Н.-Новгород), **С. Рубенчику.** (Елец),

Г. Каменскому. (Устюг). Присланный материал опоздал, или неинтересен. Присылайте заметки своевременно и на более интересные темы. Желающих быть пикорами таковыми зачислим.

Коровьиной. (Перовская волость, Звенигород. уезда). Напиши лучше, как работает ваш отряд, это будет интереснее, чем заметка, как ты стала пионеркой.

Марату Виленскому и Кину Беновицкому. (Полтава). Присланный материал напечатаем. Продолжайте писать такие заметки, как о новом быте. Как идет у вас подписка?

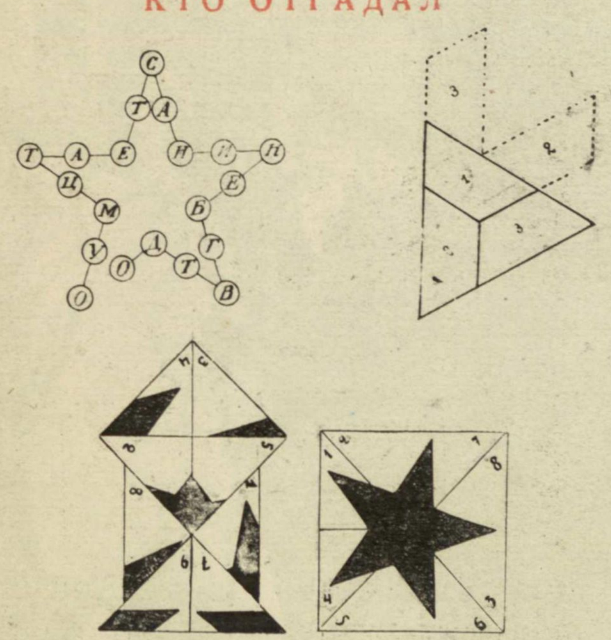
Пионерам **Сновска, Черниговск. губ.** Ребята, что это у вас за песенка „Паровоз“? Познакомьте и нас с нею. Ждем.

Редколлегии журнала „Юный Пионер“ (Бийск, Алтайск. губ.). Отзыв о журнале печатаем. Продолжайте его нам высылать.

Пионерам шестого отряда Вологды. Письмо переслали в Германию.

Звену „Костер“ 4-го отряда г. Рыбинска. По почте отправили письмо.

КТО ОТГАДАЛ

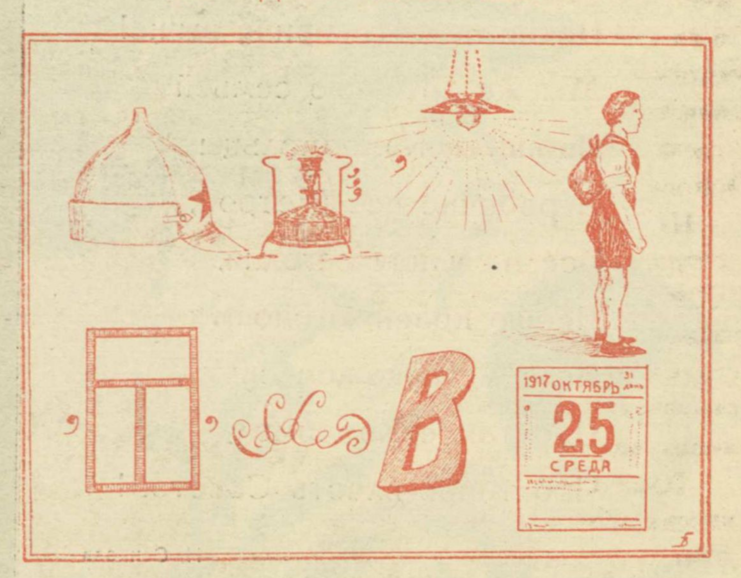
Решение задач, помещенных в № 5 и 6.

В задаче составить из цепи звездочку пионерский лозунг таков—„стат(ь) ленинцем буд(ь) готов“.

Правильные решения прислали:

1) **Л. Колантырский** (Москва). 2) **В. Печенников.** 3) **Я. Черкасский.** 4) **Ю. Черкасский.**

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

Как отгадывать ребус.

Решать ребусы не так трудно, как это кажется с первого взгляда. Для решения надо помнить только следующие условия: 1) если перед фигурой стоит одна или несколько запятых, то надо отнимать от слова столько первых букв, сколько стоит запятых; если они стоят после фигуры, делают то же самое, только отнимать надо последние буквы; 2) если рисунок нарисован в обратную сторону („вверх ногами“), то надо это слово написать обратно: напр., „стол“ нарисован „вверх ногами“—пишем „ЛОТС“, если же есть запятые, то делают обычное отбрасывание; 3) если в какой-нибудь фигуре или букве нарисована другая фигура или буква, то надо читать с предлогом „В“, например, в букве О нарисована буква Т—надо читать „ВОТ“; 4) если на фигуре или букве нарисована другая фигура или буква, то надо читать с предлогом „НА“ или „ПОД“, смотря по смыслу; напр., на букве „Л“ нарисована „ОВЦА“—читаем „НА ЛОВЦА“. Два-три ребуса разгадаешь—и научишься решать.

Цена 40 коп.

ОКТЯБРЬ.

Всем, всем, всем...
Не слышите, разве?
Что повсюду говорят.
Всем, всем, всем...
Сегодня праздник—
Годовщина Октября?
Солнце, разве ты не слышишь?
Поднимись, товарищ, выше!
Мы же дружною семьей
Пионеры, Комсомольцы
И рабочие все в строй,
Все на улицу сегодня,
Песню красную споем.
И всему покажем свету,
Что такое Комсомол,
Что такое власть Советов!

Н. Осипова.

Пионерка 40-го отряда,
Хамовнического района.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ПРИ ЦК РЛКСМ

